

Tynu40k
Goblina

Дмитрий Goblin Пучков
категорически рекомендует

18+

ФРЕДЕРИК МЭННИНГ

ИНТИМНЫЕ МЕСТА ФОРТУНЫ

ЛУЧШАЯ И БЛАГОРОДНЕЙШАЯ КНИГА О МУЖЧИНАХ НА ВОЙНЕ.

ЭРНЕСТ ХЕМИНГУЭЙ

Тупичок Гоблина

Фредерик Мэннинг

Интимные места Фортуны

«Питер»

1929

УДК 821.111(94)
ББК 84(8Авс)6

Мэннинг Ф.

Интимные места Фортуны / Ф. Мэннинг — «Питер»,
1929 — (Тупичок Гоблина)

ISBN 978-5-00116-827-0

Перед вами самая страшная, самая жестокая, самая бескомпромиссная книга о Первой мировой войне. Книга, каждое слово в которой — правда. Фредерик Мэннинг (1882-1935) родился в Австралии и довольно рано прославился как поэт, а в 1903 году переехал в Англию. Мэннинг с детства отличался слабым здоровьем и неукротимым духом, поэтому с началом Первой мировой войны несмотря на ряд отказов сумел попасть на фронт добровольцем. Он угодил в самый разгар битвы на Сомме — одного из самых кровопролитных сражений Западного фронта. Увиденное и пережитое наложили серьезный отпечаток на его последующую жизнь, и в 1929 году он выпустил роман «Интимные места Фортуны», прототипом одного из персонажей которого, Борна, стал сам Мэннинг. «Интимные места Фортуны» стали для англоязычной литературы эталоном военной прозы. Недаром Фридриха Мэннинга называли в числе своих учителей такие разные авторы, как Эрнест Хемингуэй и Эзра Паунд.

УДК 821.111(94)

ББК 84(8Авс)6

ISBN 978-5-00116-827-0

© Мэннинг Ф., 1929

© Питер, 1929

Содержание

От переводчика	6
Предисловие	8
Книга первая	9
Глава I	9
Глава II	17
Глава III	22
Глава IV	34
Глава V	41
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Фредерик Мэннинг

Интимные места Фортуны

Питеру Дэвису, заставившему меня написать эту книгу

- © Издание на русском языке, оформление, ООО «Питер Класс», 2022
- © Перевод на русский язык, ООО «Питер Класс», 2022
- © Серия «Тупичок Гоблина», 2022

От переводчика

В далеком 2007-м судьба свела меня с сэром Родриком Брейтвейтом (материалы об этом известном человеке – дипломате и писателе – можно найти в «Википедии» и других источниках), в ту пору собиравшим материалы для своей новой книги о советских солдатах в Афганистане. Книга «Afgantsy: the Russians in Afghanistan», 1979–89, вышла в 2011-м, а в 2013-м была переведена на русский язык и выпущена издательством Corpus под названием «Афган».

В ходе наших бесед и в переписке, обсуждая в том числе произведения английских авторов о Первой мировой войне, сэр Родрик поинтересовался у меня, доводилось ли мне читать книгу Фредерика Мэннинга. Он рассказал, что есть такая «величайшая книга о той войне», вышедшая еще в 20-х годах XX века и написанная непосредственным участником боев при Сомме. Книга имела скандальную известность, в том числе из-за использованной в диалогах ненормативной лексики, что было совершенно неприемлемо в английской литературе того времени (чуть ли не до судов дело дошло). Однако успех книги был грандиозным, читатели впервые узнали, как чувствовали, о чем думали, как видели окружающую действительность люди, солдаты в окопах той Великой войны (европейцы до сих пор называют так именно Первую мировую, что для нас непривычно и непонятно). Позже, под давлением издателей, автор отредактировал текст романа, убрав из него «нелитературные» выражения. Книга выдержала второе издание, но уже не имела той популярности, став «беззубой».

Меня очень заинтересовал этот автор, но оказалось, что перевода книги на русский язык не существует. Тогда сэр Родрик прислал мне экземпляр на английском, который я вскоре и прочел. Даже беглого прочтения, без детализации, мне хватило, чтобы полюбить эту книгу – правдивую и печальную историю английского солдата в окопах на Сомме. Высказав сэру Родрику свои соображения, я – не великий знаток английского языка – был удивлен его советом сделать перевод книги. Не вдаваясь в подробности, добавлю только, что этот пожилой и мудрый человек сумел вселить в меня уверенность, что я способен выполнить эту работу.

И еще, мы много обсуждали перевод нецензурной лексики, и я, как человек, привыкший к «чистой» литературе, долго возражал против использования непечатных слов в моем тексте и все пытался заменять «нехорошие» слова на принятые у нас «литературные» эквиваленты в стиле перевода Леонидом Володарским фильма О. Стоуна «Взвод». А потом вдруг попытался представить себе аудиторию своего перевода и понял, что этот текст вряд ли прочтут случайные люди, а читатели и авторы наших военных сайтов сами побывали под пулями и прекрасно знают, что язык общения между людьми войны никак не подойдет для общения на светских раутах. Так что же голову морочить себе и читателям? Да еще и предавать дело автора? Единственная вольность, которую я себе позволил, – попытаться в переводе диалогов использовать слова и выражения, более привычные для уха русского солдата, поскольку нецензурная брань британцев не очень понятна нам, расцвечивающим речь очень яркими красками. Так что заранее предупреждаю: перевод содержит ненормативную лексику!

Вот, наверное, и все, что я хотел бы рассказать читателям о своем переводе. Дальше – ваше дело, читать или нет.

И последнее: выражаю благодарность за неоценимую помощь и всестороннюю поддержку в работе сэру Родрику Брейтвейту, без которого этого текста просто не было бы. Благодарю своего двоюродного брата Дмитрия Маланичева, в трудных ситуациях всегда приходившего мне на помощь, а также брата-афганца Дмитрия Головкина, прочитавшего еще «сырой» вариант текста и давшего положительный отзыв, который придал мне силы закончить правку текста. Отдельное спасибо моей супруге Веронике, стойчески выносившей мои депрессии и смену настроений во время работы над текстом.

Александр Гергель

Предисловие

Перед вами своеобразный отчет о событиях на участке фронта у рек Сомма и Анкр во второй половине 1916 года. Все рассказанное здесь происходило в действительности, однако конкретные персонажи – плод моего воображения. Правда, во время работы над их диалогами и размышлениями мне порой казалось, что в голове моей звучат голоса призраков из прошлого. Их мысли и суждения неизбежно получают пристрастными и необъективными, но так уж выходит, что пристрастность и необъективность составляют изрядную долю импульса, побуждающего к действию. Поэтому, на мой взгляд, лучше оставить их в таком виде, чем пытаться сгладить. Среднее всегда скучно и бесцветно, а усредненный результат слишком абстрактен, чтобы претендовать на статус конкретного опыта. Я не добивался портретного сходства своих героев с реальными людьми, меня, главным образом, интересовало восприятие событий некой абстрактной, обезличенной массой нижних чинов. Почти не имея информации и не представляя себе истинных масштабов происходящего, они видели ситуацию по-своему, очень субъективно, но в этой субъективности и была реальная правда, которую я честно пытался донести.

Война – очень специфическая сфера человеческой деятельности. И действуют там люди, а не чудовища и не боги. Назвав ее только преступлением против человечества, мы упустим как минимум половину ее сути. Война – еще и наказание за совершенные преступления. Тут возникает вопрос морали, которого нынешняя эпоха предпочитает не касаться. Возможно, когда-нибудь еще будут предприняты более удачные попытки разрешить этот вопрос.

Книга первая

– На колпачке Фортуны мы не ишика...
– Так вы живете около ее пояса или в средоточии ее милостей?
– ...Право же, мы занимаем у нее скромное место.

У. Шекспир¹

Глава I

Мне, честное слово, все равно; смерти не миновать: нужно же заплатить Господу дань смерти... пусть будет так, и уж тот, кто умер в этом году, наверно спасется от смерти в будущем.

У. Шекспир²

Быстро темнело. Небо заволочло тучами, собиралась гроза. И все еще продолжался беспорядочный артиллерийский огонь. Как только прибыла смена, они начали спешный отход. Берн, которого мотало все шире, мало-помалу отставал. Чтобы окончательно не потерять из виду остальных, он перестал следить за тем, куда ступает, и свалился в воронку.

К тому времени, как он сумел оттуда выбраться, остатки их отряда уже скрылись из виду, и он неуверенно заковылял дальше в одиночестве, сомневаясь в правильности выбранного направления. Он не спешил, но и шага старался не замедлять. Голова была пустой и легкой, настроение – почти восторженным, его влекло вперед лишь желание хоть как-нибудь закончить все это и уснуть. С трудом удержавшись на ногах, он спустился в разрушенную траншею и после недолгих колебаний свернул влево, мало заботясь о том, к чему это приведет.

Мир, казалось, совсем обезлюдел, хотя он прекрасно знал, что земля вокруг просто кишит народом. Он с трудом дышал, рот и горло, казалось, вот-вот треснут от сушняка, а во фляге не осталось ни капли воды. Подойдя к блиндажу, он принялся осторожно спускаться вниз, ногой нащупывая в темноте ступени. Сползшая в сторону брезентовая занавесь на входе проскребла его щеку, и, спустившись еще на несколько ступеней, он неожиданно уткнулся лицом в складки прокисшего одеяла, висевшего в дальнем конце тамбура. Блиндаж был пуст. На некоторое время он застыл в тупом оцепенении, но вскоре дрожащей рукой нашарил пачку сигарет. Вытащив одну и буквально воткнув между губами, чиркнул спичку, в ее огоньке углядел свечной огарок в овальной крышке от сигаретной жестянки и зажег его. Огарок был чуть толще монеты, что и определяло время остановки. Вот докурит сигарету и двинет дальше искать свою роту.

В стене блиндажа грунт был вынут так, что образовалось некое подобие скамейки или сиденья. Вначале он обратил внимание только на остатки рваного одеяла, брошенные там, но потом заметил в складках слабый отблеск, отраженный маленьким металлическим кружочком. Это была крышечка фляги. Неуклюже склонившись вбок, он приподнял ее и по весу определил, что фляга полна. Вытащив пробку, он поднес флягу к губам и успел сделать огромный глоток, прежде чем понял, что пьет прекрасный виски. От крепкого алкоголя на мгновение перехватило дыхание, и, подавившись, он чуть было не выплюнул виски, однако сдержался и уже небольшими аккуратными глотками принялся поглощать содержимое, намереваясь растянуть удовольствие от дегустации.

¹ Шекспир У. Гамлет, принц датский. – Акт 2, сцена 2 / Пер. с англ. М. Лозинского. (Здесь и далее примечания переводчика.)

² Шекспир У. Генрих IV. – Ч. 2, акт 3, сцена 2 / Пер. с англ. В. Морица, М. Кузмина.

Послышался шум, кто-то ощупью спускался по ступеням. Он закупорил флягу, быстро спрятал ее под одеяло и отодвинулся на безопасное расстояние от соблазна. Появились трое шотландцев. По срывающимся голосам было ясно, что эти ребята измотаны не меньше его, и все же, преодолевая усталость, они бесцветными голосами сообщили, что видели часть его отряда в окопах ярдах в пятидесяти левее. Парни, конечно, тоже заблудились, но он ничем не мог помочь им. Тогда они затеяли между собой бесплодный спор о том, как им быть в сложившейся ситуации. Из-за чудовищного акцента он едва понимал их доводы, но в самом тоне разговора сквозила нерешительность усталых людей, которые ищут оправдания, чтобы ничего не предпринимать. Это заставило его взглянуть со стороны на собственное поведение, и ему стало совестно. Отшвырнув окурки, он решил, что пора идти. Огонек свечи слабо мерцал на последнем издыхании, обещая в следующий момент погрузить блиндаж в темноту. Он благоразумно удержался от того, чтобы рассказать парням о найденном виски, решив оставить это на волю случая: найдут – так тому и быть! И уже двинулся к ступенькам, когда снаружи послышался голос, приглушенный занавесью из одеяла:

– Эй, кто здесь?

Сомнений в том, кому принадлежит этот голос, быть не могло, и Берн немедленно отошел. Последовала пауза, затем одеяло качнулось и вошел офицер. Это был мистер Клинтон, которого Берн знал еще по тренировочному лагерю в Трепели.

– Привет, Берн... – начал было он, но, заметив остальных, осекся и обратился уже к ним негромким и спокойным голосом. Лицо его было зеленоватого воскового оттенка, глаза красными от усталости, руки нервно дрожали, а срывающийся голос выдавал нервное перенапряжение. И все же он терпеливо выслушал их ответ.

– Что же, ребята, я не тороплю вас, – проговорил он наконец, – но ваш батальон выдвигается отсюда раньше нас, и вам бы лучше смотаться вместе с ним. Ваши всего в сотне ярдов дальше по траншее. Вы же не хотите тащиться до лагеря в одиночестве? Это будет не лучший вариант. Так что двигайте-ка прямо сейчас. Вам бы не мешало поспать часиков по двенадцать, и мой совет – кратчайшая дорога к этому.

Они охотно и без разговоров приняли его совет. Как всякий уставший человек в подобных обстоятельствах, они были рады, что кто-то решал все за них; поблагодарили и попрощались, если и не сердечно, то хотя бы как вежливые люди, оценившие его доброту. Берн сделал вид, что двигается следом, но мистер Клинтон остановил его.

– Задержитесь на минуту, Берн, и пойдем вместе, – проговорил он, когда последний из шотландцев стал неуверенно подниматься по крутой лестнице. – Не очень вежливо подниматься следом за горцем, наряженным в килт, когда тот вылезает из блиндажа. Кроме того, я кое-что оставил тут.

Он огляделся, подошел к одеялу и вытащил из-под него флягу. Должно быть, фляга показалась ему несколько легче, чем он ожидал, и он с подозрением встряхнул ее, прежде чем вытащить пробку. Сделал долгий, медленный глоток и остановился.

– Оставил бутылку полной, – сказал он, – но эти чертовы джоки³, похоже, учуяли виски. Ты же знаешь, Берн, я не хожу в бой пьяным, как делают некоторые. Но, боже мой, на обратном пути мне это нужно. Вот, глотни-ка. У тебя такой вид, будто ты уже хлебнул.

Берн без колебаний взял флягу. Он прекрасно понимал состояние офицера и сам чувствовал себя не лучше. В напряжении атаки время течет по-другому, окружающий мир будто выхватывается из тьмы отдельными вспышками, так что в памяти отпечатываются лишь статичные картины, полные смертельного ужаса, дикой ярости и страха. В итоге оглушенное сознание успевает воспринимать только постоянную угрозу и полную зависимость от любой случайности. И если в какой-то момент перестаешь владеть собой, то на обратном пути словно

³ Шотландские войска (сленг.).

блуждаешь в кошмарном сне среди нелепых и чудовищных видений, порожденных собственным разумом. А когда напряжение, наконец, сброшено, чувствуешь себя полностью опустошенным морально и физически, и тогда происходит срыв и разум уже не способен совладать с собой.

– Мы в следующем блиндаже. Все, кто остался в живых, – продолжал мистер Клинтон. – Я рад, что ты в порядке, Берн. Ты же помнишь предыдущее дельце? Так вот, похоже, на этот раз старина Ганс бросил против нас еще больше народа и не намерен был сдвинуться ни на ярд. А теперь самое время сматываться с этой позиции. Думаю, нас осталось не больше сотни.

Все это он выпалил сбивчивой скороговоркой, так что стало ясно, что виски уже начал играть на его потрепанных нервах. Это вернуло Берна к действительности. Огонек свечи прыгнул и погас. Мистер Клинтон включил фонарик и сунул фляжку в карман своего плаща.

– Пошли, – сказал он, шагнув на ступеньку. – Мы с тобой двое везунков, Берн. Ни царапины! И если счастье от нас не отвернется, так и будем скакать из одной беды в другую, пока не сорвемся. Понимаешь? Пока не сорвемся...

У Берна прямо-таки дыхание перехватило: голос мистера Клинтона был твердым, в словах ни тени недовольства, только раздражение и горечь.

Подойдя к брезентовой занавеске, он выключил фонарик.

– Не говорите ерунды, – ответил в темноте Берн. – Вы никогда не сорветесь.

Офицер и вида не подал, расслышал ли он этот участливый, но не очень уставной упрек. Они молча двигались по изрядно порушенной траншее. В небе вспыхивали разрывы, случайный осветительный снаряд завис поблизости, и в его свете Берн разглядел мертвого человека в серой полевой форме, прикорнувшего в углу на повороте траншеи. Похоже, он был ранен и на последнем издыхании дополз до траншеи только затем, чтобы умереть тут. Берн безучастно глядел на этот осколок общей беды. Серое лицо было пустым и бесчувственным.

Как только они свернули за угол траншеи, их окликнул часовой у входа в блиндаж.

– Доброй ночи, Берн, – быстро проговорил мистер Клинтон.

– Доброй ночи, сэр, – ответил тот, козырнув. Затем он перебрисился несколькими словами с часовым.

– Господи, хоть бы они поторопились, – пробормотал часовой, когда Берн уже начал спускаться в блиндаж.

В помещении было полно людей. Когда он вошел, множество плоских, безразличных лиц повернулось в его сторону, чтобы глянуть, кого это еще принесло. Но уже в следующую секунду вспышка интереса сменилась оцепенением и апатией. Сквозь плотный воздух, наполненный табачным дымом и чадом оплывших свечей, он разглядел Шэма, который махал ему рукой, привлекая внимание. Берн протиснулся к нему и устроился рядом. Поинтересовавшись друг у друга все ли в порядке, они не произнесли больше ни слова. Какая-то гнетущая тяжесть давила на всех, люди чувствовали себя будто приговоренными к смерти.

– Как думаешь, дадут нам отдохнуть? – шепнул Шэм.

Похоже, только этот вопрос и занимал всех, кто был в блиндаже. Мрачные и отрешенные лица сидевших вокруг солдат выражали покорность и полное безразличие к собственной участи, даже лица совсем молодых парней выглядели на удивление постаревшими. И все же, пусть и лишённые всякой надежды, они оставались непобежденными.

Внезапно все изменилось: произошло короткое поспешное движение, щелкнули пряжки, были подхвачены винтовки, и все ринулись наружу. Шэм и Берн были среди первых. Теперь все они сгрудились в траншее. Над головами неслись снаряды, было слышно, как парочка рванула довольно близко. Но из траншеи не было видно ничего, кроме стенок, местами побелевших от известковых подтеков, стальной каски на втянутой в плечи голове соседа, взметнувшихся вверх ветвей срезанных взрывом деревьев да неба, затянутого облаками, сквозь прорехи которых проглядывали неподвластные войне звезды. Все вдруг заспешило, словно их подхлесты-

вала проснувшаяся надежда, что и на этот раз им удалось вырваться невредимыми. Стенки хода сообщения постепенно понижались по мере того, как дно поднималось к поверхности земли. У выхода из окопа стоял офицер и, пытаясь оценить, сколько уцелело людей, выстраивал их в шеренгу по двое. Было темновато, и все же под срезами касок ясно виднелись беспрестанно бегающие, живые глаза на бледных лицах. Офицер тоже был бледен от усталости, но стоял он твердо и прямо, зажав под мышкой трость. Под его взглядом бестолковое движение фигур начинало приобретать хоть какое-то подобие порядка. Он командовал тихим, срывающимся голосом, и хотя слова команды были едва слышны, в них проскользнули жесткие, требовательные нотки. Колонной по четыре они двинулись за гребень холма по направлению к месту, которое называлось Счастливой Долиной.

Идти пришлось недолго. Неподалеку от палаток над ними пронеслись выпущенные с тыловых позиций снаряды, все машинально пригнулись, но не слишком сильно. Немного позже капитан Моллет приказал им строиться. Возле палаток собрались кучкой кашевары, дневальные по лагерю, снабженцы и несколько солдат, освобожденных по болезни. Все они смотрели на пришедших с неподдельным сочувствием, но тактично держась в стороне, поскольку пропасть между только что вернувшимися и теми, кто не участвовал в деле, глубже, чем пропасть между трезвым и пьяным.

Капитан Моллет остановил своих людей около палатки, занятой под канцелярию, и попытался хоть немного выровнять шеренги. Несколько секунд он смотрел на них, а они на него, и эти секунды показались бесконечными. В сгустившейся темноте виднелись лишь смутные тени.

Раздалось короткое: «Разойдись!»

Команда была отдана глухим, сорванным голосом, но они постарались выполнить ее четко, как на плацу, приклады винтовок отчетливо стукнули о землю. Офицер козырнул, и тут же волевое усилие, только что объединявшее их в одно целое, исчезло, усталые мышцы обмякли, и они шаткой походкой, молчаливые и подавленные, как побитые, разбрелись по своим палаткам. Кто-то из снабженцев, вытащив трубку изо рта и сплюнув на землю, одобрительно пробормотал:

– Пусть гонят про нас хоть какую херню, а все же мы – охуенная банда!

Среди ночи Берн проснулся в приступе невыразимого ужаса, сел на койке и несколько секунд растеряно оглядывался, пытаясь прийти в себя, затем повернулся на другой бок в надежде снова заснуть. Он ничего не помнил из разбудившего его кошмара, если это и вправду был кошмар, но постепенно до него дошло, что разбудившее его смутное беспокойство в равной степени мучит и остальных. Вначале он заметил это у Шэма, который лежал рядом. Его тело, конвульсивно сжавшись, подпрыгнуло и некоторое время продолжало дрожать, а он бессвязно бормотал что-то и облизывал губы. Непонятное волнение судорожно передавалось от одного к другому, рты раскрывались со звуками лопнувших пузырей, скрежетали зубы, сжимались челюсти. Еле слышное бормотание сменялось жалобным всхлипыванием, тут же переходящим в судорожный стон и неразборчивое ругательство. Звуки сопровождались резкими, раздраженными движениями и тяжелым дыханием спящих мертвым сном людей. Сначала, еще не до конца вынырнув из сна, Берн попытался убедить себя в том, что эти конвульсии – просто рефлекторные движения и бессознательные физиологические процессы. Расстроенные нервы пытаются привести себя в порядок или дать телу запоздалую команду произвести какое-нибудь действие, которому не позволила вовремя воплотиться сжатая в кулак воля. Однако, окончательно придя в себя, его разум страстно возжелал, чтобы странное бормотание и судорожные движения в темноте оказались всего лишь бессознательной мимикрией, защитной реакцией. Безусловно, чувства обладают некоторой собственной активностью и остаются начеку даже при помутившемся разуме. Ему показалось, что темнота вокруг наполнилась содроганием измученной плоти, словно бы некое исчадье ада со злобным любопытством перебирало нерв-

ные окончания, чтобы отыскать самое больное место и, ткнув в него, услышать возглас боли. Наконец, не в силах побороть переполнявшее его отчаянье, он сел и закурил. Бесформенный ужас, терзавший людей во сне, наконец обрел для него свои очертания. Он мысленно вернулся назад, во вчерашний день, блуждая в смутных, разрозненных воспоминаниях, и теперь ему казалось, что большую часть времени он был оглушен и ослеплен, а все, что он видел, было похоже на цепь отрывистых ярких вспышек, словно в кинетоскопе. Он снова чувствовал, как напряженность ожидания становится невыносимой, вспомнил то невероятное усилие, которое пришлось приложить, чтобы заставить себя сделать первый шаг, и мгновенное облегчение, пришедшее вместе с началом движения. А еще чувство нереальности и ужаса, охватившее каждого, а затем вновь обретенную почву под ногами, когда видишь другого, идущего вперед самым обычным, банальным образом, механически, будто так и надо, как будто это всего лишь рутина повседневности. Сдержанность и поспешность, сцепившиеся внутри тебя в смертельной схватке, когда рядом уже кричат «вперед». Вперед? Кто бы мог идти вперед в одиночку, неизвестно куда, в никуда? Каждый порыв тут же создает свою полную противоположность. Сумбур внутри тебя и неистовая злоба вокруг сливаются, стократ усиливая друг друга.

Он видел, как взлетают в воздух куски заграждений линии немецкой обороны, которые взламывает для них артиллерия. Облака пыли и дыма, до поры скрывавшие их атаку, постепенно рассеиваются, давая гансам возможность тщательно прицеливаться. Он чувствовал, что воздух вокруг словно ожил, наполнился движением, будто враз затрепетали мириады крыльев. Пролетающие над головой снаряды распарывали воздух со звуком мгновенно вылитого в воду расплавленного железа. Грохотали взрывы, вздымалась земля, и он видел, как людей разрывает в клочья и разносит по сторонам их окровавленные ошметки или просто стирает в порошок. Пролетавшие над головой снаряды шипели, как выгнувшие спины коты перед дракой, к этим звукам добавилось тоненькое, похожее на звон перетянутой струны, потренькивание, неприятно близкое. Он за что-то зацепился, что-то впилося ему в ноги, разрывая штанины и обмотки. Внезапно перед ним возникло немыслимо искаженное лицо, с перекошенным от крика ртом, когда они вместе падали в воронку от снаряда. В следующую секунду до него дошло, что перед ним не лицо, а голая жопа шотландца, который пошел в бой без килта, надев только фартук⁴. Приходя в себя, они ошалело пилились друг на друга, пока в голове не прояснилось настолько, что стало возможным перевести дух. Тогда Берн с упорством идиота принялся выспрашивать, где находится ближайший перевязочный пункт, хотя никакой раны у него пока не было.

Подтянулись остальные и среди них еще пара гордонцев⁵, а в довершение всего сверху на них обрушился мистер Холлидэй и, набычив голову, обозвал их сукиными детьми и бездельниками. У него было слегка задето предплечье. Пыль и дым немного улеглись, и они предприняли еще один бросок вперед. Они уже прыгали в пустую траншею, тесноватую даже в тех местах, где ее не порушили и не осыпали снаряды, когда слышались резкие хлопки разрывов ручных гранат. На подходе к пустой траншее мистер Холлидэй получил еще одну рану, на этот раз в колено, и в тот же момент Берн почувствовал, как что-то дернуло спереди его китель. Они втащили мистера Холлидэя в траншею и оставили там вместе с одним из гордонцев, которого тоже зацепило. Люди накапливались в траншее, и дальше он пошел уже с кем-то из своей роты.

С момента, когда он бросился в воронку вместе с шотландцем, что-то поменялось в нем; путаница и сумбур в мозгах исчезли, казалось, куда-то делись и сами мозги, стянулись и застыли в голове. Остался страх, безжалостный и неодолимый страх. Но и страх удалось преодолеть, и он превратился в некое изящное чувство, сродни обыкновенной ненависти. Чувства были напряжены до предела, к ним прибавился обострившийся звериный инстинкт, и в этом

⁴ Элемент обмундирования шотландских полков, предназначенный для защиты килта – шотландской юбки – от грязи, дождя и т. п.

⁵ Гордонский шотландский полк.

была определенная пикантность. Он понятия не имел, где находится, куда направляется, у него не было планов, поскольку невозможно было что-либо планировать, и все, что происходило с ним, было непредсказуемым и неизбежным. Он был лишь звеном в общей цепи. Подразумевалось, что его действия будут естественным образом координироваться с действиями других, подчиняясь бесконечному гибкому плану. Но не было ни малейшей возможности уразуметь этот план даже в отношении непосредственной первоочередной задачи, и потому полагаться следовало только на себя.

Под пулеметным огнем по причудливо исполненной системе траншей, связывающих воронки от взрывов, они обошли опорный пункт. Траншеи были совсем мелкими, не глубже нареза в стволе винтовки, и годились лишь для того, чтобы немного прикрыть пулеметный расчет, когда тот, задержав, насколько возможно, наступающую пехоту, будет отходить на запасную позицию в глубине обороны. Там пулеметчики продолжают свою работу, выигрывая время для подразделений на следующей позиции, давая возможность очухаться после артобстрела и выскочить из укрытий. Эти прусаки-пулеметчики были настоящими храбрецами, да только запредельная храбрость – что у них, что у своих – сильно смахивала на отчаянье.

Пробиравшемся по траншее Берну казалось, что он снова, как в далеком детстве, участвует в игре. Правда, теперь эта игра шла не среди валунов, где разогретый воздух колыхнется знойным маревом. Теперь он был в изломанном окопе, в котором негде спрятаться. Когда тебе тридцать, игра уже не кажется такой увлекательной и острой, какой казалась в тринадцать, зато ощущение смертельной опасности вносит в нее изюминку. К тому же смутное предчувствие давно превратилось у него в некое чутье, и он двигался по изломам траншеи, крадучись с вороватой хитрецей горностае или ласки. Низко пригнувшись у очередного поворота, он убедился, что следующий фас⁶ пуст, и когда идущий за ним боец оказался рядом, он, по-прежнему согнувшись, перебежал вперед. Их атакующая волна, накопившись в точке сосредоточения, должна была неизбежно завершить охват, и горстка защитников неожиданно покинула узел обороны. Берн на бегу увидел, как из-за очередного поворота траншеи опрометчиво выскочил немец, как он остановился и отпрянул назад в стрелковую ячейку, но было поздно. Берн выстрелил прямо с бедра, не поднимая винтовки к плечу, и попал гансу прямо в лицо. Тот упал. Кто-то крикнул Берну, чтобы шел дальше. Но тело немца перегородило узкий поворот и дернулось, когда Берн наступил на него ногой. Это заставило его отпрянуть назад, и как раз вовремя, поскольку в паре ярдов за поворотом взорвалась граната. Он растерянно обернулся к следовавшему за ним человеку, но сразу за этим гранатометчиком увидел грузную фигуру капитана Моллета и его полное торжества лицо. Не в силах вымолвить ни слова, он просто махнул рукой, указывая, в каком направлении, по его прикидке, ушли немцы.

Капитан Моллет прижался к стенке окопа, давая возможность следовавшим за ним людям проскочить узкое место. Но две атакующие волны, окружавшие пулеметную позицию, были уже в точке соединения. Когда все собрались, выяснилось, что у них снова потери. Капитан Моллет мимоходом бросил Берну несколько слов, и тот, тупо и непонимающе глядя на него, немного приотстал, чтобы между ними оказалось несколько человек. Через какое-то время он оказался уже рядом с ротным штаб-сержантом Глассполом, который коротко и одобряюще кивнул ему; и тогда Берн понял, что делал все правильно. В нынешней атаке он старался стать и стал ведущим, пусть хоть как-то, пусть на короткое время. Однако он осознавал, что шел вперед лишь потому, что не мог стоять на месте. Ощущение себя частью толпы уже не давало ему той уверенности, которая была вначале, на данном этапе ему потребовалось больше личной свободы. Но теперь, когда их стало много, придется гнать противника, вместо того чтобы красться и таиться. Двое из чужого полка, видимо, отставшие, ломились назад как потерянные, и штаб-сержант Гласспол остановил их словами:

⁶ Прямолинейный участок траншеи, обычно не более 20–30 м.

– Куда, суки, прете?

Его вопрос простучал пулеметной дробью. Встретив в их лице столь вопиющий бардак, он готов был метать громы и молнии.

– Нам приказали возвращаться, – смущенно ответил один. Было видно, что он здорово перепугался.

– Ага. Так вами, блядь, немцы командуют! – с издевкой бросил им Гласспол, задыхаясь и кривя побелевшие от злости губы.

У них душа давно была в пятках, но накопившаяся в сердцах ярость и ненависть нашли, наконец, достойную цель в сержанте. А он тут же забыл о них, убедившись, что взял их к ногтю.

– Не ссы, приятель, все нормально, – шепнул Берн говорившему со штаб-сержантом. – Валите скорее к своим.

Солдат холодно посмотрел на него.

Во время следующего броска что-то стукнуло Берна по каске, сбив ее на затылок так, что подбородочный ремень чуть не оторвал ему уши. В первый момент он подумал, что его подстрелили, потому что прикусил язык и его рот наполнился соленой кровью. Удар оставил на каске глубокую вмятину, так что даже сталь пошла трещинами. Он был как в тумане и никак не мог прийти в себя, когда они добрались до каких-то развалин, показавшихся ему знакомыми. Они были неподалеку от железнодорожной станции.

С него было довольно, хотелось бы заснуть, но мятущаяся память не позволяла забыться и сопротивлялась сну, как смерти. Стоило закрыть глаза, перед ним вновь вставали картины атаки, люди, идущие вперед под градом пуль и снарядов. Как заводные игрушки, простенькие и ненадежные, беззащитные и совершенно непригодные для противостояния этой безумной жестокости, они все же двигались вперед, словно загипнотизированные чьей-то высшей волей. Одним из самых ярких впечатлений Берна был человек, с неуклюжестью заводной куклы, у которой кончается завод, шагавший рядом с ним. Картина так сильно отпечаталась в памяти именно потому, что, взглянув на неказистую фигуру, он отвлекся от собственной растерянности и разброда в мыслях. Внешний вид этого жалкого и совершенно негероического чучела в плохо подогнанном мундире цвета хаки и стальном шлеме, похожем на тазик цирюльника, который нацепил на голову Дон Кихот, отправляясь навстречу своим подвигам, никак не вязался с происходящей в нем борьбой. Лишь высшему существу по силам найти выход из нравственного тупика, в который разум загнан столкновением здравого смысла и духовного величия.

Сила измеряется величиной противодействия, которое она способна преодолеть, ну а сила воли, если вдуматься, превосходит любую противопоставленную ей физическую силу. Возможность гибели, безусловно, присутствует, но лишь как один из шансов, который может выпасть. Как ни парадоксально, но предназначение нашей нравственной сущности состоит именно в утверждении собственной воли в противоположность всему миру, и смерть с этой точки зрения будет означать исчезновение этой нравственной сущности лишь как частный случай. Истинный смысл этой трагедии состоит в том, что даже поражение в такой ситуации окажется лишь иллюзией. Это как с христианскими мучениками – нравственное начало человека делает собственный свободный выбор и утверждает свободу своего бытия. А возражения о затраченных впустую усилиях, столь любимые моралистами и нытиками, открывают широкие возможности для морального увечья. Берн, как и большинство его товарищей, полагал, что уж коли нравственный порыв не может считаться обдуманным актом, то бесполезно даже пытаться рассматривать его как проявление стойкости или слабости, поскольку здесь это всего лишь две стороны одной медали. Вышибет ли человеку мозги пулей или его разнесет в клочья взрывом фугасного снаряда, не имеет большой разницы для отказника от военной службы по нравственным соображениям или для другого стороннего наблюдателя, находящегося в столь же выгодном положении, и по-своему они будут правы. Но для бедного глупца, кандидата в

герои посмертно, имеющего в этом непосредственный интерес, такой вопрос довольно важен. Возможно, он и является жертвой собственных иллюзий, как и все, кого апостол Павел определил как блаженных. Но если видишь, как в цепи кто-то упал замертво, срезанный пулей, и остался лежать лицом вниз, а кто-то разорван на куски, словно диким зверем, то осознаешь, что здесь нет и быть не может никакой иллюзорности, в этом и состоит самая что ни на есть подлинная реальность. Смерть, как и девственность, не подразумевает градации; человек либо мертв, либо нет. Человека, конечно, можно сделать мертвым и тем и другим способом, но гораздо ужаснее и отвратительнее увидеть человека разорванным и выпотрошенным, чем сраженным пулей. Глядя на такие вещи, страдаешь по-настоящему, с неподдельным сочувствием человека к человеку. Кто-то забывает быстро, ибо память коротка, «с глаз долой – из сердца вон!». Но сразу после первого вопля отчаяния: «Да это же я!» – разум успокаивает себя: «Нет, не я. Со мной такого не будет», и человек продолжает двигаться вперед, оставляя за спиной искалеченные и окровавленные тела, делая ставку на иллюзорную уверенность каждого в собственном бессмертии. На какое-то время, может, и забудешь, однако раньше или позже вновь мыслями вернешься к этому, хотя бы во сне.

В конце концов, мертвецы исполнены покоя. В мире нет ничего спокойнее мертвеца. Видишь человека живым, пусть в отчаянии, но живым, и вдруг раз – и нет его. Человек умирает и застывает, превращаясь в деревянную куклу, от которой не можешь отвести взгляда, как ни пытайся скрыть свое любопытство.

Внезапно ему вспомнился Тронский лес⁷, полный незахороненных трупов. Повсюду валялись тела, и среди них множество его товарищей, с которыми он, единственный оставшийся в живых, можно сказать, жил бок о бок. Англичане и немцы вперемешку, разлагающиеся, облепленные мухами, подножный корм для крыс, почерневшие от жары, распухшие, со вздутыми животами или сморщенные в своем истлевшем тряпье. И даже когда их укрыла ночная тьма, в воздухе чувствовалось дыхание смерти.

Как там сказал мистер Клинтон у блиндажа? «Из одной беды в другую, пока не сорвемся». Но нельзя нам сорваться! Он судорожно всхлипнул, и его разум бросил безнадежные поиски ответов. Теплая и вонючая темнота палатки казалась теперь прямо-таки шикарным курортом. Он впал в тяжелую дрему, пытаясь представить себя обнимающим прелестных женщин, но их лица ускользали, как отражения в воде, когда ее всколыхнет ветерок. Его разум соскальзывал все глубже в исцеляющее забытие.

⁷ Местность на северо-востоке Франции, где проходило одно из сражений битвы при Сомме, известное как захват Тронского леса (8–14 июля 1916 года). Атака немецких позиций частями и подразделениями 4-й Британской армии.

Глава II

*Мне изменило мужество на миг.
И слабость матери во мне воскресла
В потоке слез.*

*У. Шекспир*⁸

Проспали долго и проснулись довольно поздно, но подниматься все равно не хотелось, даже двигаться было лень. Палатка давала хоть какое-то подобие уединения, и они предпочли бы залечь тут и скрываться, пока не подлечат нервы. В своем кругу они были начисто лишены эгоизма, были очень деликатны, инстинктивно понимая, когда и чем помочь друг другу, поскольку у людей, разделяющих общую участь, возникает молчаливое взаимопонимание. Они достаточно изучили друг друга, так что амбиции и желание противопоставить себя остальным были давно сбалансированы, а самолюбие они научились прятать подальше. Если бы их не беспокоили и они могли бы лежать так часами, ни о чем не думая, погруженные в смутные, невнятные грезы. Но в какой бы далекий и недоступный мир ни удалилось сознание, тело всегда следовало собственному непреклонному распорядку. Рано или поздно оно выгоняло их в открытую, незащищенную траншею, служившую отхожим местом. Там была закреплена грубая горизонтальная жердина, на этом-то небезопасном насесте они и устраивались и, сидя там, не теряли времени даром, беспощадно истребляли на себе вшей. Было что-то наглое и дерзкое даже в том, как они затягивали ремень, отхаркивались и сплевывали в пыль. Они давно шагнули за грань, отделяющую человека от животного, и все же, каждый раз проходя через это, опускались еще на ступень в своем скотстве. Жизнь не могла принести им ничего нового в плане унижений. Новички из последних призывов сдуру удивлялись их дикому и мерзкому виду, даже мелочи были столь омерзительны, что заставляли держаться от них подальше, чтобы не скатиться до их уровня. Однако в их унылых и безразличных лицах было что-то такое, что пробуждало в окружающих безотчетное благоговение и страх. А сами они, в драной и заляпанной грязью одежде, бродили по лагерю молчаливые и полные надменного безразличия. Они могли невзначай скользнуть взглядом по опрятным и чистеньким новичкам, этим свежим бычкам для корриды, прибывшим из Руана, чтобы занять место тех, что полегли в Делвилль-вуде, в Троне, в Гийемонте⁹; а если кто-то из новеньких обращался к ним, то наталкивался на пустые глаза и односложные ответы.

Вне палатки лишь два-три человека при встрече могли спросить о своих друзьях и знакомых.

– А где Диксон?

– Был да весь вышел. Разорвало в куски, как только мы полезли из окопов. Бедняга! Молодого Вильямса там же стукнуло, полруки оторвало, но он свалился назад в траншею. Думаю, тем же снарядам. По-любому, в первый раз вижу такое.

Они говорили озабоченными, негромкими голосами, неуверенно и сбивчиво, но постепенно приходили в себя, и тогда в их речи можно было уловить не только жалость и сострадание, но и чувство облегчения от того, что самому-то говорившему каким-то чудом удалось выжить. Когда пришло время завтрака, у них, казалось, поначалу не было аппетита, но, принявшись за еду, они набросились на нее как голодные волки, подбирая корками хлеба разма-

⁸ Шекспир У. Генрих V. – Акт 4, сцена 6 / Пер. Е. Бируковой.

⁹ Здесь и далее: названия участков местности и населенных пунктов – мест крупных боестолкновений в битве при Сомме в июле-октябре 1916 года.

занные по дну тарелки пригоревшие шкварки и жир. Когда накануне вечером они вернулись в лагерь, их уже ждали чай и щедрая порция рома, опрометчиво оставленная кладовщиком, а еще сэндвичи с холодной свининой. Берна выпил все, что смог достать. Но сэндвич оказался ему куском сухой замазки во рту, и он сунул остатки порции в свой ранец. Остальные ребята поступили так же, не нашлось в желудках места для еды, несмотря на то, что сэндвичи были свежими и приправленными горчицей. Теперь же, несмотря на то, что мясо высохло и стало жестким, а хлеб кислым, сэндвичи были извлечены из грязных ранцев и сожраны с жадностью. Постепенно апатия проходила, настрой улучшался, заявляли о себе естественные потребности организма, а вслед за ними начали проявляться и другие жизненные потребности. Один за другим они принялись бриться. У Берна и Шэма было заведено, что они по очереди ходили за чем-нибудь нужным, и сегодня как раз была очередь Берна. Воды всегда не хватало, и относительно ее расходования имелись жесткие правила, но Берна уже давно пришел к заключению, что в британской армии слишком много всяких правил и чертовой дисциплины. По случаю он разжился большой жестяной, которую снабдил веревочной ручкой, превратив в ведро, так что теперь он тащил полведра воды плюс полный котелок кипятка, добытые у знакомого повара. Возвращался он в обход, за офицерскими палатками, чтобы миновать ряд палаток другой роты, а главное – избежать встречи с сержантами, которые настолько ревностно относились к дисциплине, что запросто могли оставить себе в залог воду вместе с ведром и использовать все это для собственных нужд. Потом, убравшись с глаз долой и скрывшись за своей палаткой, они с Шэмом вымылись и побрились. Они не были в бане больше месяца, но, что интересно, кожа под рубашками стала словно бы атласной – мягкой и шелковистой. Пот смыл всю грязь и впитался вместе с ней в одежду, которая имела теперь затхлый, кисловатый душок. Завшивели они не слишком сильно.

Настоящей чистоты достичь не удалось, так, лишь видимость одна. Они уже вытирались, когда капрал Тозер, знавший их как облупленных, зашел за палатку и устался на воду. Он был весь в завитках серой от грязи мыльной пены.

– Вы, бля, двое – самые знатные в батальоне доставалы, – сказал капрал; и было непонятно, чего больше в его тоне – восхищения или отвращения.

Шэм, чьи глаза были подобны озерам Есевонским¹⁰, ответил ему взглядом, в котором мешались невинность и тревога, а Берна с безразличием смотрел, как капрал, сложив ладонь лодочкой, снимает загустевшую пену, прежде чем плеснуть грязную воду на лицо и шею. Берна никогда не ограничивал себя, если нужно было получить что-нибудь от своих приятелей. Воду он заполучил у Эббота, их ротного повара, невзначай попросив ее, пока с жаром обсуждал абстрактную возможность незаконного приобретения жаренного на решетке стейка, желательного с жареным луком, появление которых было абсолютно невозможным в данное время в данном месте.

– Вы мне дайте знать, когда ведро освободится, ладно, капрал? – вежливо попросил он и вместе с Шэмом направился к палатке.

Прежде чем надевать гимнастерку, он слегка прошелся по ней щеткой и осмотрел карман, разодранный пулей немецкого пулемета. Упругая складка ремня заставила пулю немного отклониться, и она прошла в один карман гимнастерки и вышла из другого, помяв металлический футлярчик мыльной палочки для бритья, который он забыл убрать в свой ранец и в последний момент сунул в карман. Ранцу тоже досталось, скорее всего, осколком снаряда на излете. Но больше всего впечатляли вмятина и сквозная дыра с рваными краями на каске. У него даже в висках застучало, когда он осознал, что был на волосок от гибели. И тут он услышал, как Притчард рассказывал малышу Мартлоу в другом конце палатки:

¹⁰ В Библии упоминаются озера Есевонские, которые сравниваются с глазами невесты.

– Обеи ноги ему оторвало, бедняге, и дух из его уходил прям у меня на глазах. А он все хочет на ноги стать. «Поможи, – кричит, – помоги мне». А я ему грю: «Охладись, паря, сейчас полехчаить». Тут он глядь на меня, будто спросить чего хотел. И помер.

Берн почувствовал, как у него свело все мышцы. Слезы бежали по невыразительному лицу Притчарда, как по оконному стеклу, но в голосе не было дрожи, только фальшивая высокая нота, как у ребенка, когда ломается голос. Только теперь Берн заметил, что соседняя с Притчардом койка, которую занимал Сваль, пуста, и понял, что так и не видел Свали по возвращении в лагерь. Переполненный сочувствием, он неотрывно смотрел на Притчарда и чувствовал, как глаза наполняются слезами.

– Ну, чего там, – сказал Мартлоу, как бы пытаясь успокоить. – Он же ниче уже не чувствовал, так ведь, раз это говорил?

– Почем я знаю, че он чувствовал, – проговорил Притчард с горечью. – Я знаю, че я чувствовал.

– Берн, можешь вернуть ведро туда, где спиздил, – входя в палатку и продолжая мокрым грязным полотенцем стирать с лица и ушей остатки мыла, бросил Берну капрал Тозер. Берн поскользнулся мягко выскользнул на улицу. Продолжая вытираться, капрал остановил свой взгляд на лице Притчарда и тут уловил нарастающую в окружающих напряженность. Тогда он вспомнил о Свале.

– Заправьте койки и приведите помещение в порядок, – снижая тон, продолжал он. – И закатали бы края палатки, что ли. Пускай проветрится, а то здесь вонь такая.

Он взял свою гимнастерку, натянул на себя и принялся медленно застегиваться.

– Вы со Свалем из одного города будете, так ведь, Притчард? – внезапно обратился он к Притчарду. – До чего ж смелый был парень, хоть и молодой совсем. Жалко-то как!

– Все в порядке, капрал, – спокойно ответил Притчард. – Жалко у пчелки, а пчелка в лесу! Че нам с этой жалости? Мы и так до жопы в жалости по самим себе, не то что по другим. Мы друг другу помогаем, сколько можем, а когда другому уж не поможешь, так уж хошь себе помощи! Но говорю вам, капрал, если б я думал, что жизнь уже никогда не поменяется, я б к чертовой матери сам себя прикончил.

Он аккуратно заправил свою койку и сделал это как в последний раз, как будто уже никогда больше не притронется к ней.

– Я вытащил из его карманов расчетную книжку и кое-какие письма, но его смертный медальон оставил для тех, которые придут забирать его. Если наши ребята зацепятся там, то подойдут похоронные команды. Вот его мешок, рядом с моим. Думаю, лучше мне отдать его письма в канцелярию. Была у него пара непристойных французских фотографий, так я их порвал. Он был обычный парень, а молодые завсегда любопытствуют до таких вещей; вреда не много, а забавно. Таковы уж люди. А я напишу письмо его матери. Свали – уважаемые люди, хозяйство у них большое, а я всего лишь наемным работником был, но они завсегда со мной честно поступали, когда на них батрачил.

– Думаю, капитан Моллет ей напишет, – сказал капрал Тозер.

– Кэп’тан, он, конечно, напишет, – отозвался Притчард. – Он джентльмен, капитан Моллет, ничего по службе не упустит. Мы все знали капитана Моллета еще до войны, когда он еще и капитаном не был. Но я сам немножко напишу миссис Сваль. Кэп’тан Моллет, он же должен писать сотни таких писем, все одинаковые. А и впрямь, чего ж тут разного напишешь, особенно если сам матери того парня не знаешь. Но я-то знаю.

– А у вас-то есть жена с детьми? – поинтересовался капрал Тозер, стараясь увести разговор в сторону.

– Была маленькая девочка. Умерла, когда ей было четыре, за год до войны. Жена-то и сама о себе позаботится, – мстительно добавил он. – Насрать на нее. Этой суке всегда было плевать на меня.

Он обиженно замолчал, но капрал был доволен, что удалось направить переживания в другое русло. Остальные горько усмехнулись и продолжили встряхивать и выбивать соломенную труху и пыль из плащ-палаток. Когда закончили приборку в палатке, уселись перекурить, прямо как были, без гимнастеров, поскольку денек был теплым и безветренным. Капрал вышел на улицу и посматривал на офицерские палатки, ожидая появления капитана Моллета. Тут он случайно заметил Берн, говорившего с Эвансом, бывшим денщиком полковника, отданным теперь в распоряжение нового временного командира. Этого майора из другого полка Эванс в частной беседе называл не иначе как «этот шотландский ублюдок», хотя ничего шотландского, кроме килта, в майоре не было. Эванс лениво помахивал тем самым ведром, в которое Берн с Шэмом, а следом и капрал, смыли с себя нечто большее, чем просто пыль сражения.

– Наживет он приключений на свою жопу, умыкнув ведро у старшего офицера, – прокомментировал капрал, вновь переводя взгляд в направлении офицерских палаток. Берн продолжал стоять рядом.

– Выступаем, капрал, – объявил он.

– Кто сказал «выступаем»? Эванс? – многозначительно произнес он имя, словно бы подчеркивая, что догадывается, откуда взялось это ведро, и Берн должен оценить его наблюдательность, способность к логическим выводам и большой такт.

– Эванс! – воскликнул Берн. – О нет! Ему я только вернул ведро. Эванс не знает ничего, кроме похабных анекдотов, которыми доктор потчует майора в столовой. Мне сказал Эббот. Он сказал, что повара получили приказ быть готовыми выдвигаться в направлении Песчаных карьеров в два пополудни. Мы выдвигаемся, точно.

– Чмошные кашевары узнают обо всем даже раньше, чем канцелярия, – сухо отрезал капрал Тозер. – Что ж, если на этом мы распрощаемся с ебаным Соммом, у меня и времени не будет выебать этих ебанных новобранцев. Еще не видел их? Хуи валяли, пока тащились из Руана в Маркур, потом их немножко попидорасили тут в лагере, пока нас гоняли на эту ебаную высотку. Ты-то, сынок, да и я тоже, мы этой ебней сыты по горло. Дали бы мне их на пару недель, они потом к фрицам обниматься бы побежали. Целовать бы готовы были.

Внезапно он оставил свой доверительный тон, заметив, что из палатки, расположенной в другом конце импровизированной дорожки, появился капитан Моллет. Он стоял, вглядываясь в небо, будто действительно озабоченный составлением прогноза погоды на день. Затем, быстро оглядев линию палаток своей роты и увидев сержанта Робинсона и капрала Тозера, подозвал их к себе взмахом стека. Берн вернулся в палатку и присел рядом с Шэмом. Его рассказ о разговоре с Эбботом вызвал вспышку интереса, хотя особо удивляться было нечему, поскольку боевая мощь всего батальона теперь едва ли превышала мощь одной роты. Пора было сниматься с передовой и пополняться, чтобы затем быть снова брошенными на передний край. И только. Разве что упоминание о пополнении вызвало некоторые эмоции. Берну стало немного жаль этих молодых, хотя какой-то злобный бесенок внутри со злорадством разжигал естественное чувство неприязни к новичкам. Пополнение, прибывшее под вечер накануне атаки, составляли люди, набранные по схеме Дерби¹¹. Для батальона это было первое пополнение из таких рекрутов, так что сразу возникали большие сомнения по поводу их боевого духа и опыта. Прежде всего встал вопрос: распределить их по разным ротам сразу, накануне наступления, или же пока оставить их в одной команде, а потом заняться распределением без суеты и спешки. Командир, конечно, предпочел бы опираться на опытных, проверенных в боях бойцов, пусть их было и немного, и такое решение было вполне резонным. Но при этом пострадали сами новички. Здесь они были чужаками, никого не знали и, будучи лишь недавно собраны вместе, не имели ни времени, ни возможности составить полноценную боевую единицу. Тридцать часов в жаркой духоте, набитые в вагоны, как сельди в бочку, а затем длинный

¹¹ В 1915 году вступили в силу новые правила набора рекрутов, предложенные Эдвардом Стенли, 17-м графом Дерби.

пеший переход от железнодорожного вокзала Маркура их полностью вымотали. Не привыкшие к скудному пайку, они еще только приспосабливались к норме питания. Кроме того, их необходимо было чем-то занять, а следовательно, их ожидала самая тупая и бессмысленная работа, которую смогут придумать для их же блага имевшие и даже не имевшие на это полномочий. Над ними издевались по всякому поводу, мучили мелкими придирками, им приходилось быть на побегушках у любого каптерщика. Все это, конечно, было в лучших традициях британской армии. Но, поболтавшись в какой-нибудь роте обеспечения какого-то тренировочного лагеря в родной Англии, потерявшись рядом с несколько устаревшими героями битвы при Монсе¹², они уже считали себя немного ветеранами и были выбиты из колеи, снова оказавшись на уровне новобранцев. В конце концов, припомнил Берн, и ему пришлось хлебнуть лиха, когда он пришел с пополнением. Но он тогда с ходу попал в дело, и в этом была разница. Вскоре эти ребята отхватят свою долю коллективного опыта и станут неотличимы от остальных.

В палатку вернулся капрал Тозер.

– Построение в одиннадцать! Отправляемся на отдых.

Напыщенности в нем было немного больше, чем обычно, и этот излишек не ускользнул от внимания Берна.

– Еще одну лычку отхватили, а, капрал? – поинтересовался он.

– Ты за мои лычки не волнуйся! – ответил тот. – Ты, сука, волнуйся, как бы тебе чего не обломилось.

¹² Город, ставший ареной первого сражения британской армии во время Первой мировой войны, 23–24 августа 1914 года.

Глава III

*А ваш англичанин такой мастер пить?
Он вам датчанина с легкостью перепьет насмерть;
он вам, не вспотев, повалит немца;
он вам голландца доведет до рвоты раньше,
чем ему нальют другую кружку.*

*У. Шекспир*¹³

После обеда они переместились на пару миль в тыл, к другому лагерю в Песчаных карьерах, где они встретились, наконец, с долгожданным, бесценным пополнением, так и не дошедшим до передовой. Несмотря на то что новобранцы прибыли в лагерь раньше возвращавшихся с передовой, никакой выгоды это не давало. Палатки для них не были приготовлены, так что им пришлось, разбившись попарно, соорудить себе жилища из двух плащ-палаток, скрепленных между собой шнуром, продетым в петли, и получившееся полотнище вывешивать на горизонтальной слеге, закрепленной на двух вертикальных стойках. Однако и с этим было непросто, поскольку шнуров и колец не хватало. В новом лагере было повеселее, народ оживился, солдаты, побывавшие в деле, приходили в себя. Перемена начала происходить с ними сразу после построения и переклички. Они снова были вместе, могли обсуждать пережитое и делиться впечатлениями, приобретая коллективный опыт. Теперь каждый из них уже не пытался замкнуться в себе, заиклившись на своем. Вместе они осознали, что пережитое уходит в прошлое, откуда уже не будет возврата. Переход до лагеря у Песчаных карьеров означал собой начало нового этапа.

Они продвигались по склону холма; внизу был виден Альбер¹⁴ и наклонившийся позолоченный шпиль собора Святой Девы, в неустойчивом равновесии нависший над разрушенным городом, словно карающий меч. Тучи, похожие на груды колотого мрамора, обещали бурю, в открывающихся далях широкой равнины уже видны были занавеси дождя, плывущие в солнечных лучах. Из лощины медленно, как бы толчками, выплыл похожий на колбасу дирижабль наблюдения, утолщенный с одного конца маленькими баллонами¹⁵. Он завис в воздухе, покачиваясь, словно буй, тяжело осевший в волнах прилива. Высоко над ним закружились серебристые блески, мелькнув, снова пропали. Время от времени одна из них отделялась от группы и уходила, оставляя за собой небольшой шлейф пара. Солдаты лениво следили за дирижаблем, поскольку в его отношении сохранялась возможность развития ситуации: попавший снаряд или атака вражеской авиации могли поджечь его, и тогда его пассажирам пришлось бы прыгать, и тогда опять же возникал вариант, что их парашюты не раскроются. Однако дирижабль продолжал невозмутимо парить в воздухе, чем вызывал легкое разочарование. Тем не менее аэроплан все же нет-нет да и появлялся полюбопытствовать, чем это там занимаются люди. Тогда неожиданно, чудесным, казалось, образом, в непосредственной близости от него появлялись легкие облачка белого дыма, а он еще какое-то время высокомерно не обращал на них внимания, потом отворачивал в сторону, вероятно удовлетворившись результатами своего обследования. В этой части горизонта не было ничего волнующего воображение, разве что пилоту и его наблюдателю удавалось что-нибудь углядеть.

¹³ Шекспир У. Отелло. – Акт 4, сцена 6 / Пер. М. Лозинского.

¹⁴ Альбер – город на севере Франции, регион О-де-Франс, департамент Сомма на берегу реки Анкр.

¹⁵ Небольшой внутренний газонепроницаемый отсек, находящийся между газовой и внешней оболочкой дирижабля, предназначен для регулирования высоты.

– У этих козлов работенка не пыльная, – проговорил малыш Мартлоу с завистью. – Летай себе над линией фронта, глазей на старину Фрица, а как шрапнель начнет к тебе прилетать, быстренько чухай домой. Тут сильно не запаришься.

Он развалился рядом с Шэмом и Берном, с которыми в последнее время сильно сблизился. Не имея настоящих друзей, он был другом для всех. Этот полный смелости, наглости и задорного веселья парень бодро и успешно продвигался сквозь беды и опасности окружающего мира. В данный момент с ним перебрасывался фразами Шэм, а Берн был поглощен совершенно иными заботами и, казалось, был крайне заинтересован перемещениями полкового штаб-сержанта¹⁶ Хоупа в противоположном конце лагеря.

Его интерес был вызван многими причинами. На построении выяснилось, что в роте осталось всего тридцать три человека, хотя еще можно было надеяться, что многие из отсутствующих не получили серьезных ранений. Берн знал по имени всего нескольких солдат из других отделений, и даже среди этих известных ему людей было двое – Касвел и Орджи, – о которых он мог с уверенностью сказать, что видел их ранеными. Это было уже на последнем этапе атаки возле станции, когда им пришлось залечь под пулеметным огнем. Они отползли в укрытие, где санитар оказал им первую помощь. Касвел получил пулю в верхнюю часть грудной клетки, а Орджи – в щеку, так что пуля выбила ему несколько зубов и сломала нижнюю челюсть. Кто-то был ранен осколками снарядов еще до того, как они поднялись в атаку. Один из них, Бриджнорт, был только слегка задет и позднее тоже шел с ними в атаку, но потом его снова зацепило, и он ушел в тыл с кем-то из ходячих раненых.

Подсчетом потерь роты они занялись на построении, и это была долгая история. Поочередно выкрикивались фамилии, и по большей части никаких подробностей известно не было. Если же находился очевидец, который мог сообщить хоть какие-то подробности судьбы названного человека, его имя на мгновение фокусировало на себе внимание, но и это осознание потери тут же растворялось в прошлом.

Рядом с Берном стоял здоровенный амбал, портовый грузчик из Ливерпуля. Этот парень по имени Пайк был настоящий кокни¹⁷ – снаружи грубый, битый жизнью, тертый калач, а внутри добряк с золотым сердцем.

– Редмейн, – выкликнули следующего, и, поскольку никто не отозвался, имя повторили. – Кто-нибудь видел, что случилось с Редмейном?

– Да, сэр, – угрюмо и зло отозвался Пайк. – Убит он, сэр! Погиб, сучий потрох.

– Уверены в этом, Пайк? – негромко, но с нажимом спросил капитан Моллет. – Я имею в виду, вы уверены, что человек, которого вы видели, был именно Редмейном?

– Я видел его, сэр. Видел, как его разорвало к чертовой матери, – ответил Пайк с беспощадной прямолинейностью. – Он был мне приятелем, сэр. И я видел, как его разнесло в куски ко всем чертям. Это еще до того, как мы заняли их первую линию обороны.

Вместо штаб-сержанта Гласспола, серьезно раненного вскоре после того, как Берн видел его в окопах на немецкой передовой, перекличку проводил сержант Робинсон. Задав еще несколько вопросов, сержант перешел к следующей фамилии:

– Ридаут!

Даже толком не слыша ответов, люди все равно вытягивали шеи, стараясь рассмотреть отвечавшего, а заодно и офицеров, задающих вопросы. Подробности били наотмашь, но люди изо всех сил старались скрыть свои чувства. Но даже за этой сдержанностью угадывалось крайнее напряжение, как в палатке при рассказе Притчарда о том, как погиб Сваль. И лишь после

¹⁶ Самое высокое неофицерское звание в британской армии. Полковой штаб-сержант, или уоррант-офицер 1-го класса, является помощником командира батальона или полка и отвечает за дисциплину и подготовку порядка 650 солдат.

¹⁷ Житель лондонских трущоб.

того, как был пройден весь список и названы все фамилии, был задан вопрос, не знает ли кто о судьбе мистера Уаткинса и мистера Холлидэя.

Из всех находившихся в строю Берн, похоже, был единственным, кому пришлось видеть мистера Холлидэя после того, как его ранили, и капитан Моллет желал знать все подробности. Берн, как и всякий, кому доводилось общаться с капитаном Моллетом, от души восхищался этим синеглазым красавцем со слегка вьющимися волосами. В свои двадцать четыре года он еще сохранял оптимизм и душевное здоровье. Своим ростом в шесть футов и четыре дюйма он выделялся на фоне толпы. Атлетическое телосложение, грациозная мощь движений и даже манера речи свидетельствовали об огромной внутренней силе, и можно было только догадываться, какого труда ему стоит сдерживать в себе эту разрушительную энергию. Возможно, лишь в бою он давал волю своему неукротимому нраву. Это не означало, что в нем вовсе не было страха, не бывает людей, начисто лишенных этого чувства, поскольку страх как одна из обязательных составляющих присутствует во всех человеческих поступках. Просто он получал удовольствие, бросая вызов. А может ли удовольствие быть полным, если в нем отсутствует острота? Перед самым началом атаки он вылез из траншеи и пошел вдоль бруствера, не столько чтобы воодушевить людей, сколько дразня их. А когда вечером они вернулись на исходную позицию, он обнаружил, что забыл свой стек, и вернулся за ним в захваченные траншеи. Ничего нарочитого не было в двух этих поступках, они были чисто спонтанными. Он не пошел бы в атаку с охотничьим ружьем и не стал бы финтить футбольным мячом на нейтральной полосе. Возможно, в нем существовала определенная доля романтической бесшабашности, но все его поступки были полной импровизацией без тени показухи. И похоже, по сравнению с другими ему досталась более солидная доля удачи и везенья.

Берн, конечно же, сильно переживал за мистера Холлидэя. А переживая, он становился раздражительным и нетерпимым, и не то чтобы по отношению к кому-то конкретному, а ко всему свету и к законам природы. Мистер Уаткинс был убит наповал, и к этому нечего было добавить, кроме того, что он был одним из многих хороших ребят. Сожалели о нем не формально, а пронзительно и глубоко, хотя никто и не заикливался на этом. В отношении мистера Холлидэя было по-другому. В первый раз Берн видел его легко раненым в руку, а позже видел раненым в колено. Возможно, кость была сломана. Это было на передней линии немецких окопов, там он и оставался, в относительной безопасности, вместе с другими ранеными, помогавшими друг другу. С этого момента о нем никто ничего не знал, и с перевязочного пункта не было никаких сведений. Более того, офицер медицинской службы, проработав целый день, при первой возможности исследовал большую часть местности, чтобы убедиться, насколько это было возможно, что там не осталось раненых. Однако сохранялся шанс, что ночь и изрытая воронками местность не выдали всех своих секретов. Так или иначе, но участь мистера Холлидэя оставалась загадкой, так что в конце концов капитан Моллет остановил дальнейшее расследование. Он резко оборвал Берна и с полушутливой заботой поинтересовался о его собственном состоянии. После этого людей распустили, а капитан побрел в сторону канцелярии с озабоченным и усталым видом.

Немного позже капитан Моллет повстречал капрала Тозера и задал ему немало вопросов относительно Берна, а еще позже капрал встретил полкового штаб-сержанта, и он также расспросил о Берне, а после добавил, что желает видеть его, как только они переберутся в лагерь у Песчаных карьеров. Капрал Тозер, убедившись, что две независимые линии интереса сходятся на столь малозначительной персоне, как Берн, пришел к заключению, что тот вскоре получит лычку. Об этом он ему и сказал во время совместного перекура после обеда, а еще дал полный отчет о разговорах. У Берна не было амбиций становиться младшим капралом без денежной прибавки, он предпочитал не выпячиваться званием. Теперь он жалел, что, отправляясь за море, снял эмблему со скрещенными винтовками, ведь если бы мистер Мэнсон увидел ее на его рукаве, то отправил бы его в отделение снайперов, а жизнь снайпера, несмотря

на все неприятности и опасности, сулит уединение и некоторую неприметность. Притязания Берна показались капралу Тозеру излишними, и потому он дал ему добрый совет, который Берн счел преждевременным. Их диалог ненадолго сошел на нет, но вскоре капрал Тозер заговорил снова.

– Капитан Моллет сегодня не в духе, – сказал он. – Ему пришлось временно принять на себя обязанности адъютанта, так что их хорошим отношениям со взводными офицерами пришел конец. И с гулькин хрен не останется, уж ты мне поверь. И потом, есть еще одна штука, эта старая сука штаб-сержант из ротной канцелярии. Будь у него хоть полшанса воткнуть шило в задницу полковому штаб-сержанту, он не промахнется, давно точит залупу. Шаришь? Ну а как тебе наш капитан Моллет? Не, я ничего против него не имею. Он понимает разницу между хорошими и плохими ребятами, лучшего офицера и не пожелаешь. Да только он едва ли знает, какими уебками могут быть самые уебищные из наших уебков. И как начнешь про такое думать, сразу видишь, что у капитана Моллета понятия не больше, чем у первоклашки.

– Да все у него нормально, – спокойно ответил Берн. – По-любому будет гнуть свою линию.

– А будет он гнуть свою линию с ротными офицерами? Да уж, он будет; и такая херня из-за этого заварится! Ведь майор-то сам только на временной должности. А на че похож человек, если он на временной должности, а хочет сделать ее постоянной? И чего б это гвардейцам не порадовать этого пидора. Возьми капрала, пришедшего из первого батальона, или из второго, как я, и спроси, что он думает об этой чертовой банде, а? Ну что может быть хуже офицера из другого полка, который командует твоим батальоном. Все у него через жопу. Он уже запросил Бригаду, чтобы ему прислали компетентного офицера, который бы исполнял обязанности адъютанта. Капитану Моллету такая должность на хуй не нужна, но он все равно не хочет, чтобы в бригаде думали, что он не способен на большее, чем просто быть хорошим ротным. Так ведь? А ротный штаб-сержант¹⁸ хочет оставаться в сторонке, чтобы тот сам со всем разбирался. Он только о дембеле думает и пытается отработать свой билет домой. А тут тебе полковой штаб-сержант.

– Ну кто ж будет учить полкового штаб-сержанта уму-разуму? – решительно заметил Берн.

– А я ничего и не говорю против него, – ответил капрал. – Он тебе друг, я знаю. Хотя честно скажу: я от него не в восторге. Я не против, чтобы человек был полковым штаб-сержантом, но он уж слишком выебывается, показывает, что с нами и срать на одном поле не сядет. И с офицерами пытается фамиллярничать, как будто не знает, что лучше сидеть и помалкивать. Но за него-то я не волнуюсь. А вот что будет, если он и штаб-сержант поднимут кипиш в канцелярии?

Мысль о кипише в канцелярии немного согрела измученную душу Берна, и он невольно улыбнулся. Капрал поднялся на ноги и отряхнул брюки от прилипшей соломы. Пришла пора собираться в дорогу.

Теперь, рассеянно слушая Шэма с Мартлоу и видя приближающегося полкового штаб-сержанта, Берн вновь прокрутил в мозгах все обстоятельства этого дела. Он ни секунды не сомневался, что Тозер выложил ему все как есть, чтобы Берн мог намекнуть полковому, если сочтет это нужным. Тозер – порядочный человек и никогда не станет вымещать на других свои обиды или строить козни. Положение дел было именно таким, как представил его капрал, но Берн смотрел на все это под другим углом. Во время их разговора это чуть было не слетело у него с языка, и он едва не сказал капралу, что майор Блесингтон – джентльмен, так что каким бы ни было его личное отношение к капитану Моллету, он никогда не сделает ничего бес-

¹⁸ После нескольких лет службы в звании сержанта обычно следует повышение до штаб-сержанта. Он играет главную роль в управлении воинским формированием численностью до 120 человек, может также командовать взводом.

честного. Берн понимал, что лучше воздержаться от такого высказывания, не допуская даже намека, что моральные принципы капрала в данном случае неизбежно уступают его принципам, поскольку они просто другие. В конце концов, честь в таком деле – всего лишь некоторое дополнение к тому, что называется достойным поведением нормального человека, но если копнуть глубже, обязательно найдется некая уловка, которая вывернет все наизнанку. Война, которая уже испытала на прочность и отправила в небытие так много условностей, еще не поставила под сомнение главный тезис – возможность отказаться от условностей в каждом конкретном случае. И Берн подумал о многих людях, в том числе и людях со званием, с военным прошлым, чьи честь, благородство и порядочность по мере разрастания войны превратились в скрытое, глубоко упрятанное достоинство, которое, возможно, приобретет свой утраченный лоск в более подходящие времена.

Он не винил их. Пытаясь понять возможные причины таких изменений, он чувствовал, что заходит в тупик и не может их осуждать. Но не мог и оправдать в готовности судить всех прочих, уже прошедших испытание. Похоже, они желали оправдать этим собственное падение. Но даже если так, то люди, презревшие законы чести, не годятся в судьи. Если общепринятые понятия о чести не вписываются в привычную для капрала схему, он может смело отбросить такие понятия. Но это допустимо только до тех пор, пока рассматриваешь армию как профессиональное поприще, особую касту. Но война превратила ее в мировой порядок, в ней сосредоточилось все многообразие божьих творений: для одних честь была божьим даром, для других – частью должностных обязанностей; однако в той или иной мере собственный интерес был присущ каждому из них. Даже в подлинном иступлении боя, когда человеческий дух во всем величии взмывает ввысь, сверкнув, точно выхваченный из ножен клинок, он ненадолго остается вдали от тела. Вернувшись в лагерную рутину, всякому приходится перестраиваться на более практичный и шкурный лад. И если прекрасное чувство порядочности не может обуздать взаимной неприязни между майором и капитаном Моллетом, то личный интерес каждого мог бы стать эффективным механизмом сдерживания этой антипатии. Точно так же, пусть и не столь изящно, это работало и в отношениях полкового и ротного штаб-сержантов, правда, с учетом того, что в их случае интересы были разнонаправлены. Ротный штаб-сержант в открытую отрабатывал свой дембель, и его некомпетентность, если разобраться, даже помогала достичь этой цели, ее можно было рассматривать как подтверждение его преклонных лет. И если у него не было возможности выместить старые обиды, то по крайней мере оставалась возможность найти удовлетворение в текущем положении вещей, тут капрал прав. Но ему-то, Берну, какое до этого дело, кроме той мысли, что полковой, будучи сержантом-инструктором в тренировочном лагере, неплохо относился к нему. Так или иначе, а теперь нужно было идти к нему. Сказав Шэму, что вернется через пару минут, он догнал Полкового у самой палатки штаб-сержантов.

– Капрал Тозер сказал, что вы хотели меня видеть, сэр.

– А! Привет, Берн! Ты, бля, смотрю, везунчик! Проскочил и в этот раз. Капитан Моллет о тебе расспрашивал, похоже, подумывает направить тебя на комиссию¹⁹, когда нас отведут в тыл. Нас отводят на отдых. Только мне, сука, никакого отдыха не светит. Пашешь тут за весь батальон. Я че думаю, заходи-ка ты ко мне в палатку вечером. Хотя, сука, в этом сраном лагере у меня и палатки-то своей нету, приходится хороводиться с ротными штаб-сержантами. Так давай, заруливай, часам к девяти. Есть немного халявного рома. Хотя по-любому в девять будут выдавать пайковый ром, так что лучше подгребай чуть позже.

– Мне бы лучше повидаться с вами наедине, сэр. Не хотелось бы вкрячиться туда, где столько штаб-сержантов. Да и им, поди, это не сильно надо. Мне вообще-то до фонаря, что

¹⁹ Комиссия по представлению на офицерское звание. Прошедший комиссию получает документ, подписанный монархом.

капрал Тозер останется в одиночестве в нашей палатке, но, похоже, придется доложить о том, куда я направляюсь.

– А, не бери в голову. С сержантами я улажу. В конце концов, не кто иной, как я затеваю эту тусовку, почему бы мне не порадовать себя разок. А тогда, в Треггели, что-то ты не был таким привередливым, когда, помнишь, свистнул сержантскую шинелку и приперся с нами в сержантскую столовую на Великую субботу перед Пасхой. Не вижу особой разницы. И Тозера тащи с собой. Он в приказе на очередную лычку, и мы не обидимся, если он придет обмыть ее. Сержант Робинсон, похоже, будет ротным штаб-сержантом. Бедняге Глассполу, я слышал, здорово досталось. Скажи сержанту Тозеру, что я сказал тебе привести его.

– Пригласите его сами, сэр. И пусть меня захватит. Так будет лучше. Он ведь здорово скромный парень. А на комиссию я не хочу. Но я бы хотел дать вам один полезный совет. Не уверен, стоит ли сейчас об этом волноваться, но не точит ли на вас зуб штаб-сержант из канцелярии?

– Ох же ты и стервец! Каждая некомпетентная жопа в батальоне точит на меня. Только не зуб, а залупу. И что с того?

– Ну, я не особо много знаю, чтобы говорить. Просто сложил вместе пару фактов. Может, я слышал чуть больше вашего. Но если у него нет оснований, то не стоит и думать об этом.

– Основания ты мне оставь. Дело-то в чем?

– Ну, говорят, что теперь, когда полковой командир и адъютант выбыли, а майор не совсем доволен капитаном Моллетом как адъютантом, ему, возможно, удастся воспользоваться случаем и подыскать замену. На вашем месте я бы...

– Ну, говори, говори, я не прочь услышать твои советы, даже если не намерен им следовать.

– Не стоит бежать впереди паровоза и рваться вперед. Дайте канцелярии сделать свою работу вместо того, чтобы пытаться сыграть свою игру. И уж если ввязываетесь с ним в спор, стойте на своем, а не принимайте его предложений. Он вообще-то очень ушлый, к тому же считает, что видит вас насквозь.

– По ходу, и ты так считаешь. Однако выходит, эта скотина более скользкая, чем всегда казалось. Ладно, скажу сержанту Тозеру, чтоб прихватил тебя с собой.

Он пошел прочь, а Берн вернулся к Шэму с Мартлоу.

Несколько ротных штаб-сержантов и сержантов-снабженцев сидели вместе с полковым, когда сержант Тозер, еще не привыкший к своему новому чину, зашел к ним по делам службы. Полковой использовал ситуацию, чтобы согласовать со всеми приглашение Берна на этот небольшой подобающий ситуации сабантуй.

– Я чертовски рад, что твое представление на новый чин прошло гладко, сержант. Приходи посидеть с нами вечером, когда раздадут пайковый ром. Обмоем твои лычки. И прихвати с собой Берна, если хочешь. Ребята, никто не будет возражать, если сержант Тозер прихватит с собой Берна, верно? Он ведь в доску свой парень, играет понятную игру, так что лишним не будет. Ну и хорошо, сержант, тащи его с собой. Мы с Берном были на короткой ноге в Треггели; ну понятно, в этой стрелковой учебке мы все более-менее валандались вместе. Я был его наставником там, а когда он сюда попал и увидал, что я стал полковым, можно было подумать, что в жизни меня не встречал. Можете сказать ему, сержант, в приватном разговоре, конечно, что капитан Моллет собирается отправить его на комиссию. Говорит, что он чертовски ценный парень.

Штаб-сержант Робинсон косвенно поддержал его, что немного удивило полкового.

– Я собирался попросить вас за Берна, Старшой, – сказал он. – Думал, его можно двинуть в отделение связи, там бы ему полегче было. Он неплохо себя ставит и, похоже, не сачок. Однако если уж его на комиссию...

– Тут, бля, все не так просто, – сказал полковой. – Готов спорить, что, когда капитан ему предложит, Берн ответит, что предпочел бы остаться тем, что есть. Конечно, если он так ответит, можно будет засунуть его к связистам, захочет он того или нет. При условии, что мы не получим подготовленных связистов с новым пополнением. Мы не можем сунуть неподготовленного парня в связисты, если на очереди стоят подготовленные. Вот и получается, что у нас нет никаких шансов самим подготовить людей.

– Ну, что до меня, – упрямо провозгласил штаб-сержант Робинсон, – я бы этим чертовым новобранцам дал сперва как следует пропотеть.

– Да без базара, – отвечал полковой. – Нам чего надо? Нам надо сделать из них лучших. А как только они придут сюда, ты уже не сможешь делать различий между ними и ветеранами, гонять их больше. Они сразу окажутся перемешанными, сам знаешь не хуже меня. А ведь многие из них просто пацаны, которых не скоро приведешь в порядок.

Относительно малыша Мартлоу и Эванса, которым не было и семнадцати, штаб-сержант остался при своем мнении; но аргументы были существенными, и он не стал дальше спорить. Сержант Тозер вышел. Он был удивлен и польщен как приглашением, так и формой, в которой оно было озвучено. Определенно, его значимость возросла.

– Да не хочу я идти, тусоваться там с кучей штаб-сержантов, – возразил Берн.

Тон этого капризного ответа показывал, что он вовсе не считает штаб-сержантов солью земли. Потом, с заметной неохотой, после настойчивых уговоров Шэма, он все же сдался и позволил себя уломать.

– Котелок прихвати, – добавил этот хитроумный советчик, – сойдет за кружку. А если сможешь занять немного халявного рома для утреннего чая, крышечка-то как раз пригодится, чтоб не расплескать. Глянь, как четко прилегает.

Ром в армии – вещь мощная, особенно когда хромает снабжение чаем и водой, так что один глоток рома стоит котелка воды. Они только что с удобством расположились, и полковой принялся рассказывать о похождениях Берна в Треггели, когда снаружи послышался голос майора Блессингтона, возвращавшегося из гостей. Полковой застегнул свой китель, нацепил фуражку и вышел. Оставшиеся в палатке слышали голос старшего офицера:

– Сержант, вам не кажется, что в лагере слишком много света? О нет, я не имел в виду вашу палатку.

Затем они слышали голос полкового, полный рвения и фальшивой строгости.

– Тушить свет! Тушите свет! – по удаляющемуся голосу было ясно, что он обходит лагерь. – Тушите этот чертов свет!

– Потушите парочку этих сраных свечек, Томпсон, порауйте пердуна, – посоветовал кладовщику один из участников вечеринки в палатке штаб-сержантов, квартирмейстер роты В Холс. – Он такой капризный теперь, на пятерых бы хватило. Все потому, что вырвался с передовой. А там шуму от него не больше, чем от мыши. Да нам-то без разницы, мы мимо рта не пронесем и в темноте. Нет ли там еще кусочка сыра, чувак? Я б затащился от кусочка сыра.

Майор Блессингтон удалился в свою палатку, решив для себя, что теперь, когда они покинули передовую, он приведет эту разболтанную толпу в нечто более-менее напоминающее норму.

– Этот пидор принимает меня за поганого младшего капрала, – вернувшись, горячо возмущался полковой. – Кто погасил свечи?

– Я сказал Томпсону загасить пару, просто порадовать этого ублюдка, – сказал Холс. – Если хотите, он снова их зажжет.

– Ждет, что я полезу в койку в такой темноте, надо думать? Плесни-ка мне еще этого поганого рома, Томпсон. Я наорался до хрипоты. О чем я рассказывал? А, да! О том, как нам с Берном обрыдло в этом Треггели. Там еще ланкаширцы проходили подготовку. И были среди них два таких черта, морды такие тупые, что не различишь между собой этих педиков. А в

субботу пошли они кутнуть в Сэндби ну и разосрались там. Подцепили там какую-то деваху или что-то другое, и она часть обратного пути шла с ними вместе через поле, где в гольф играют. Уж не знаю, что там между ними произошло, только, вернувшись в лагерь, давай они друг друга обкладывать такими словами, которые только их поганный язык и может произнести. И чем дальше, тем хуже, пока наконец один не въехал другому в челюсть так, что тот педик рухнул как подкошенный. А когда на ноги поднялся, был, слышь, просто о-ху-ев-ший, ваще башню снесло! Выхватил штык и всадил своему дружку в жопу. Тот, конечно, засрал кровью весь их дерьмовый барак, и это его немного протрезвило; а в это время все, кто там был, пытались вырвать штык из рук у этого придурка. Старина Тэдди Кумбз отобрал. Помните старину Тэдди? Вот. А потом этот в жопу раненый увидел своего дружка в центре толпы, не хуже той, что бывает при схватке за мяч в регби, – все ведь знают, как эти ланкаширцы ногами хреначат, как подметки отрывают, – и тот навалился сзади с криком «Я тута, Билл! Вмажь этим пидорам!» А Билл в этот самый момент так врубил одному по голени, что по всему было видно – не нужно ему никакого воодушевления.

Я как раз в это время возвращался из сержантской столовой, поэтому начал проявлять живой интерес к происходящему. А в следующий момент было уже две кучи дерущихся там, где только что была одна. Короче, под конец этого базара – а это была схватка что надо, доложу вам, – Тэдди Кумбз с десятком новобранцев сидели на одном из этих ебанных героев, а я, еще с десятком, – на другом; и когда уже не было других звуков, кроме громкого дыхания, появились двое из военной полиции и полюбопытствовали, с чего бы это, так вас и эдак, такой шум. Поверите? Эти два пидора все это время стояли под дверью, но все ссали зайти, пока все не закончилось, и у них появилась уверенность, что они уже не нужны. Конечно, на этом все было кончено, однако потребовалась небольшая армия, чтобы заставить двух этих ланкаширских придурков помириться. Хороша была парочка. Когда, утерев с лица пот, я овладел ситуацией, первое, что попало мне на глаза, был сидящий на своей койке Берн. Сидит тише воды ниже травы и папироску курит, и с таким видом, мол, как же все это дурно пахнет.

– В тот вечер я не брал крепостей, – удовлетворенно подтвердил Берн.

Он потягивал ром из эмалированной кружки. Котелок, крышку которого не закрывали во избежание скользких намеков, перешел к кладовщику.

– Я просто озверел, видя, что он сидит как не свой. Где ж тут, спрашивается, великий *esprit de corps*²⁰? Ну, пидоры, погодите, говорю сам себе, имея в виду, естественно, его. Я тогда его не знал. Знаете сержанта Трента? Парень из Первого батальона. Я в столовой был как раз с ним, и он еще не знал об этой склоке, поскольку сразу пошел в главное помещение казармы просить увольнительную до полуночи понедельника, мол, хочет повидаться с женой. Ну, эти два бычка из Ланкашира, один из которых получил... короче, то, что наш медик определяет как легкое ранение мягких тканей... Хотя не таким уж легким оно оказалось бы, получи его он сам... Короче, на все воскресенье их закрыли на губе, а в понедельник, когда мы вернулись со стрельбища, отправили на рапорт к коменданту лагеря. Конвоировал их Берн. Надо было видеть, как он вел эту парочку великанов-ланкаширцев, каждый из которых мог бы запросто спрятать его в своем кармане! Им было нечего сказать, кроме того – и это было очень мудро, – что они друг другу как братья и что весь этот инцидент – чистой воды случайность. Комендант был человеком черствым и неделикатным. Он прямо спросил их, что они предпочтут: его наказание или трибунал? И опять же очень мудро они выбрали его наказание. Вы вообще не видали в жизни парочки, слаще этой, если не принимать во внимание их дурных манер. Ну, он и выдал им максимум, что мог. А это сто шестьдесят восемь часов карцера.

Их, понятно, нужно было отконвоировать в Милхарбор, и я согласовал с офицером, что конвоировать будем мы с Берном. Конечно, основная идея состояла в том, что, случись какие

²⁰ *Esprit de corps* (фр.) – «корпоративный дух», «чувство локтя».

неприятности, он будет выкручиваться сам, а если будет тишь да гладь, то Берн и сержант Трент, ну и я, конечно, сможем устроить веселую вечеринку в Милхарборе, когда сдадим их с рук, и Берн, само собой, будет председателем. Мы, конечно, намекнули ему, что эти двое – закоренелые преступники, и он, похоже, повелся. Отправились на станцию, и тут мы с сержантом Трентом увидели в поезде двух девах, которых знали еще по Сэндби, на одну из которых Трент глаз положил...

– Ты вроде говорил, что у него жена была в Милхарборе? – прервал его ротный квартирмейстер Холс с серьезностью человека, который уже хлебнул, но еще недостаточно.

– От нее и в Треггели проку никакого не было, так ведь? К тому же она не жила в Милхарборе, и уж по-любому он не рассчитывал встретить ее там. А на самом деле он был от нее без ума и не сделал бы ничего такого, что могло ранить ее чувства. Так ведь, Берн?

– Эти двое были просто предназначены друг для друга, сэр, – лаконично ответил Берн.

– Вот, значит, мы с сержантом Трентом влезли в поезд с теми двумя девами и оставили Берна с двумя арестантами. И как ты с ними нашел общий язык?

– О, мы нормально поладили, сэр, – произнес Берн с напускным безразличием. – Однако вы же дали мне приказ обходиться с ними построже, быть бдительным. Это были двое здоровенных шестифутовых верзил, которые привыкли шутя перебрасывать тонны угля, и у меня было бы мало шансов, реши они устроить бардак. К тому же у каждого был вещевой мешок и винтовки в придачу, так что могли размозжить мне голову хоть тем, хоть этим. Возможно, я и выглядел неплохо со штыком на ремне, но во мне точно не было лишней самоуверенности. Моей задачей было обозначить моральное превосходство над двумя представителями криминальной среды. Как только поезд тронулся, один из них повернулся ко мне и спрашивает: «Можно нам покурить, браток?» Я, как дурак, говорю «нет», и они тихо отвернулись и давай глядеть на море сквозь окно. Мне, конечно, стало их жаль, да и самому курить хотелось. И если им не полагалось курить, как арестантам, то я тоже не имел права, поскольку был при исполнении. Вы хоть и сказали мне, что я должен обращаться с ними строго, но, вообще-то, сэр, сами-то бросили свой пост...

– Вот нравится мне твоя борзость запредельная, – воскликнул полковой штаб-сержант с изумлением, в котором, однако, можно было уловить нотку восхищения. И Берн спокойненько продолжал:

– ...так что мне пришлось принять некоторые меры по своему усмотрению, и я вытащил свою пачку сигарет и отдал им. А парень, который был ранен, чувствовал себя не очень-то. Думаю, на заднице у него был нарыв. Я тащил его вещмешок, когда мы пересаживались на поезд в Пемброке, а потом еще на холм до самых ворот. Вы с сержантом Трентом так и не появились на сцене до тех пор, пока я не выгрузил своих преступников в караулке, и сержант отказался принимать их у меня, поскольку сопроводиловка была у вас. За это время я сдружился со своими подопечными.

– Удивляюсь, как ты не посоветовал им смазать лыжи, – иронично проговорил Полковой.

– Как только я сбыл с рук этих арестованных, – продолжал он, – мы с сержантом Трентом зашли в чипок и взяли по бутылке «Басса»²¹ и одну через заднее крыльцо передали Берну. Затем все вместе мы заглянули к сержанту Виллису, попили чаю, скоротали время, пока не открылись пивные. Мы-то думали, что знаем Берна как облупленного, держали его за шута и придурка, а он оказался шарящим малым. Придя в пивную, мы принялись накачиваться пивом, и он не отставал от нас, накатывал попеременно то пиво, то стаут. А потом заявляет, что ему надоели эти слабоалкогольные напитки, и предложил бухнуть джина с тоником. Мы последовали совету, перешли на крепкое, но и оно не оказало никакого действия на Берна, он просто сказал, что нужно чего-нибудь поесть. Мы тогда спустились к «Зайцу и гончим»

²¹ Известная марка английского эля.

и расположились в отдельном кабинете. Он заказал мясо с луком. Но есть мы уже не могли, хотя он-то, Берн, вроде и был здорово голоден. Когда мы расселись за столом, он предложил превратить эти посиделки в настоящее застолье и заказал шампанского. Он устроил все как в лучших домах и вел себя подобающим образом. А потом он захотел десерта, но так как у них не было ничего, кроме консервированных персиков, он заказал персики и сказал нам, что бренди – это именно та штука, которую стоит пить под консервированные персики. И там была пара девчонок, и на одну из них сержант Трент раскатывал губы...

– Сержанта Трента понесло, сэр, – прервал его Берн. – Я ничего не знаю о тех двух девцах из поезда, но эта девчонка в пивной – ваша история. И я не думаю, что вы хотели бы, чтобы об этом стало известно, поскольку ваша пассия якобы находилась совсем в другой части города. В конце концов, сержант Трент мой хороший друг, и я не могу...

– Да ты думай, чего хочешь, это без разницы. Как только они услышали, что Берн выставляет джин с тоником, и шампанское, и бренди, они сразу прилипли к нему. Одна села на один подлокотник его кресла, другая на другой, и он принялся скармливать им кусочки персика с вилки, как будто они были комнатными собачонками или парочкой сраных попугаев. А потом он рассеянно изрек, что не хотел бы обламывать праздник, но вынужден сообщить, что последний поезд отправляется в восемь тридцать, а теперь уже четверть девятого, так что самое время «накатить на посошок», как он выразился, и пора двигать.

Так что я вам говорю, ребята, если кто с Берном просто поссать пойдет и тот предложит «принять на посошок», будьте уверены, он вас кинет. Он заказал бренди с содовой для пятерых, и девчонки стали еще оживленнее, поскольку они уже махнули по несколько рюмок, прежде чем пришли сюда. И тут он говорит, что нам действительно нужно распрощаться. Распрощаться, сука, было легко, да только сержант Трент как встал, так и сел обратно, при этом хихикал, как придурак. Мы были пьяны до усрачки, а вот Берн был расторопен и ретив, как сержант Чорли на построении, хотя и был без фуражки, а шевелюру его взлохматил одна из девок. Мы слышали, как свистнул этот сраный паровоз, и поезд ушел, и нам не осталось ничего, кроме как тащиться миль десять или одиннадцать пешком в Трегтели, чтобы поспеть на утреннее построение. Берн отнесся к этому философски, сказал, что это нас протрезвит и что нет ничего лучше дальней прогулки, чтобы все выветрилось, но это займет некоторое время. Я собрал глаза в кучу и сразу завелся, а потом прикинулся, мол, все это шутка, и хохотал до усрачки. И сержант Трент тоже: оба мы были в говно пьяны.

Тут Берн говорит, мол, ему нужно прогуляться, так что он выйдет минут на десять, а нам пока не стоит что-либо пить. Эти две сучки на нас никакого внимания, говорят, мы, мол, их оскорбили, мы не джентльмены; а Берн мог с ними делать что угодно, настолько он вежливый. Ну, шепнул он что-то этим девчонкам и вышел, а они с нами остались. Минут через десять – пятнадцать он вернулся. Мы выпили еще по несколько рюмок, но он на нас не давил; он только пил рюмку за рюмкой наравне с нами, клянусь вам. Кажись, я видел, что вот он сидит тут, как бы прикидывая и сомневаясь, сможем ли мы идти, а потом следующее, что понимаю, – я просыпаюсь в койке, прям в ботинках, в нашей казарме в Трегтели, а на соседней койке сержант Трент лежит, и выглядит он просто ужасно. Наши освободили казармы еще с утра в понедельник, когда мы отправлялись Милхарбор, а другая команда уходила из лагеря в тот день. Я так и не узнал, как мы вернулись. Но капрал Барнс рассказал мне, что около половины первого заходит Берн и просит его выйти к забору и помочь занести нас. И когда капрал вышел и глянул, то увидел за стеной автомобиль с водителем и двумя девчонками. Им пришлось подавать нас через забор, поскольку в ту ночь караулставлял другой полк, и Берн остановил автомобиль и велел водителю погасить фары и сдать назад. Капрал Барнс рассказал мне, что они потом немного поболтали у огонька, а потом Берн как ни в чем не бывало отправился спать.

– Капрал Барнс был странный парень, – равнодушно заметил Берн, – иногда сидит ночь напролет, смотрит в огонь и весь в своих мыслях. Не знаю почему, но кто-то говорил, что он,

когда еще был в другом полку, в стремной ситуации просто сбежал, и командование знало об этом, но он был на хорошем счету, и меры принимать не стали. Умел он подавать команды, как настоящий гвардеец. Симпатичный был парень. Помню, захожу, а он сидит у камина, и когда мы разложили вас по койкам, я говорю ему, что вид у него такой, вроде как выпить не прочь. У него было немного сахара, так что мы вскипятили воды и выпили по стакану горячего рома перед сном.

– Да, – продолжил полковой сержант, – именно этот сукин сын посоветовал нам наутро хлебать побольше горячего чаю, чтобы прочистить почки. А у него в ранце была припрятана почти полная бутылка рома. Мы с сержантом Трентом выпили чая, и стало нам совсем хреново. Но минут за десять до начала утреннего построения он выдал нам по бутылке пива, которое припас еще со времен Милхарбора, и это нас спасло. Он любезно сообщил нам, что он дневальный и не собирается на утренний развод. Мистер Клинтон вывел нас на пробежку, и, когда мы вернулись, нам опять поплохело. А Берн всегда знает, как помочь беде, и мы умоляли его смотаться к начальнику столовой и добыть нам еще пива; но он сказал, что сперва нам нужно поесть, а после завтрака он посмотрит, что можно сделать. Ну, пришли мы на кухню, попробовали затолкать в себя пищу, но ничего в нас не лезло. Тут внезапно за нашими спинами появляется Берн – а он тоже всегда ходил пожрать на кухню вместо того, чтобы вместе со всеми ходить в столовую, – и в руках у него медицинская склянка, и он плескает нам в чай по паре рюмок рома. Я слова вымолвить не мог, но Трент глядит на него со слезами благодарности в глазах и сдавленным голосом говорит: «Ты просто чудо!» А сам Берн не выпил ни капли.

– Мне в то утро нужно было стрелять на четыре, пять и шесть сотен ярдов, – объяснил Берн, – и бутылку я прихватил с собой на построение. И пока стрелял расчет передо мной, я отошел за дюну и махнул глоточек, чтобы успокоиться. И как только я достал бутылку, появляется мистер Клинтон и все видит – он тоже тогда стрелял, помните? «Берн, а что это у вас в бутылке?» – спрашивает он. «Масло, сэр!» – отвечаю. «Именно то, что мне нужно», – говорит он. «Вот, сэр, – говорю, – вот кусок тряпки для протирки приготовлен. Секундочку, сэр, вот как раз чистое место», – и протягиваю ему протирку. «Спасибо, – говорит он, – огромное спасибо, Берн». И когда он удалился, я залил в себя весь этот ром так быстро, что чуть не проглотил бутылку. А стрелял я тогда лучше некуда, выбил семнадцать с четырех сотен ярдов, восемнадцать с пяти и семнадцать с шести сотен. Лучший результат из всех расчетов, и я получил нашивку со скрещенными винтовками и заработал в придачу пару очков. Ну, сэр, думаю, пора мне отбиваться.

– Всё, нам пора по койкам. Но прежде чем идти, нужно тебе еще хлебнуть рому. Так что теперь все вы знаете, что я думаю о Берне. Он никогда не просил меня об одолжениях, и когда мы с сержантом Трентом брали его с собой, чтобы макнуть его в сортир и выставить дураком, он напоил нас до обездвижения. Ты не бросил нас там, Берн, и вытащил нас из этой сраки, в которую мы сами себя загнали наилучшим образом, а ведь мог преспокойно отправиться назад поездом. Но ты доставил нас назад живыми-здоровыми, хотя это было нелегко, и отправил по койкам; и сделал из нас посмешище, но только перед собой. И не напоминаешь об этом. Короче, думаю, сука, ты отличный парень. Спокойной ночи, Берн; спокойной ночи, сержант.

– Большое спасибо, сэр, – смущенно проговорил Берн. – Спокойной ночи, сэр. Всем спокойной ночи.

Уже на выходе снабженец как бы невзначай вручил ему его же котелок.

– Спасибо. Спокойной ночи, Томпсон. Увидимся завтра, в Мельте. Не забудьте, сержант, здесь веревка от колышка палатки. Вот здесь. Дайте мне руку.

– А знаете, Берн, стар'на, – проговорил сержант, речь которого, как, впрочем, и поступь, была несколько неуверенной, хоть и торжественной, – а ведь вы ж нав'рали тогда офиц'ру.

– Боюсь, что да, сержант. Иногда это мучит мою совесть. Я еще и виски у него подрезал, прошлой ночью, на передовой.

– Не п’дум’л бы о вас такого, Берн. Никогда б не п’верил, не скажи вы эт’го сами.

Берну удалось водворить сержанта на место, не поднимая шума в палатке. После этого он разделся, натянул на себя одеяло и закурил. «Ну соврал я тогда», – цинично признался он сам себе. Но ему, человеку подневольному, нижнему чину в армии, было интересно, как далеко могут завести вопросы морали. Каждый человек обладает хотя бы небольшой свободой воли, и, когда на нее посягает воинская дисциплина, никто не скажет, к чему это может привести. Докурив сигарету, он повернулся, уснул и проспал всю ночь без сновидений.

Глава IV

*И спит сейчас в солдатах гордый пыл
(Усталостью притуплена отвага).*

*У. Шекспир*²²

На следующий день они вновь окунулись в упадок и запустение Мельте, небольшого поселка в пригороде Альберта, где провели две ночи в конюшне и где пополнение уже не держали отдельной группой, а распределили по ротам. Был и досмотр снаряжения, во время которого каску Берна признали негодной, и сей факт был занесен в записную книжку штаб-сержанта Робинсона. Вопрос был закрыт до лучших времен сержантом-квартирмейстером роты, не имевшим в запасе лишней каски. В Мельте они все еще находились в пределах зоны боевых действий, но делать им было нечего. Шэм, БERN и Мартлоу, бездельничая, глядели на бесконечный поток грузовиков, день и ночь тянувшихся мимо так плотно друг за другом, что совершенно невозможно было проскочить между ними, переходя неширокую улицу. Мартлоу был недоволен. Во время атаки он аннексировал бинокли у двух убитых немецких офицеров, поскольку мертвецам они были ни к чему. А в Счастливой Долине его, излишне нагруженного боевыми трофеями, засек командир батальона и тоном, исключаям всякие возражения, приказал: «Давай-ка сюда эти игрушки, мой мальчик. Я подыщу им более подходящее место жительства». Возможно, его действия и были правильны с официальной точки зрения, но с точки зрения малыша Мартлоу это было неправомерное ущемление прав собственности рядового состава.

– И теперь эта сука носит лучшую пару на своей блядской шее. Думаешь, этот пиздюк дал мне за них хоть двадцать франков?

– Твой словарный запас вызывает у меня чувство скорби, Мартлоу, – иронично упрекнул его БERN, – да к тому же речь здесь идет о твоём командире. Это в армии ты почерпнул столько цветистых выражений?

– Не очень много, – саркастически усмехнулся малыш Мартлоу. – В армии я научился маршировать в строю да ухаживать за этим сраным ружьем. А весь ебанный жаргон я знал еще до призыва.

Шэм оскалился мрачной улыбкой, удивляясь, почему такая розовощекая борзость Мартлоу не вызывает у Берна негодования. А БERN помнил этого мальчишку рыдающим, как малое дитя, когда пару дней назад они поднимались в атаку. Но он тогда и сам не сознавал, что ревет в два ручья, настолько был охвачен яростью, хотя и ярость эта была детской и примитивной, не то что у взрослого. Было неразумно впадать в тон умудренного опытом взрослого человека, разговаривая с мальчишками вроде Мартлоу. Возможно, вся жизнь его была чем-то вроде боевых действий, а кажущаяся взрослость просто мимикрией.

– *Voulez-vous m'embrasser, mademoiselle?*²³ – подмигнул он полной девице, которая в ответ бросила на него полный праведного гнева и коровьей тупости взгляд. – Мы, слава богу, возвращаемся на приличные квартиры, где можно будет неплохо провести время.

Они двигались из Мельте в Маркур. Из глубокой синевы неба на них спланировал вражеский самолет и сбросил две бомбы; разорвавшись, они взметнули во все стороны гравий и щебень дорожного полотна. Несмотря на потери, паники не было. Солдаты спокойно поки-

²² Шекспир У. Генрих IV (Часть первая). – Акт 4, сцена 3 / Пер.

²³ – Не поцеловаться ли нам, мадемуазель? (фр.)

нули открытое место и рассредоточились на мокрой придорожной лужайке, хотя укрыться и там было негде. Но даже простое рассредоточение немного снижало эффективность дальнейшей бомбежки. Несколько своих самолетов тут же атаковали Ганса и отогнали его. Завязался вялый бой, окончившийся, впрочем, без какого-либо результата. По всей видимости, противник своими новыми машинами решил бросить вызов нашему временному господству в воздухе. Раньше он особых хлопот не доставлял.

Берн был назначен тащить тележку с пулеметом Льюиса. Он любил эту работу за то, что она позволяла пристроить на тележке собственный вещевой мешок. Позади шли еще двое, чтобы при помощи веревок сдерживать тележку на спусках. Проходя через Вилль, эти двое, дурачась с веревками, упустили тележку, и одна из железных сошек продырявила Берну задник левого ботинка, а заодно и пятку. Обычная история, хотя и болезненная, и он не стал запариваться на этом. Возле Маркура был обед, затем – посадка на поезд. Вагон, в котором оказался Берн, был рассчитан скорее на сорок, чем на пятьдесят человек, которые в него загрузились. Берн умудрился устроиться у двери, опираясь ногами на подножку вагона, так что воздуха ему хватало, хотя и пришлось обходиться без тени, а солнце лютовало. У него за спиной люди изрядно страдали. В тесноте они задыхались, присесть было некуда, держаться не за что, и, когда поезд раскачивался и подрагивал, они валились друг на друга. Не находя для себя конкретного объекта приложения, и без того плохое настроение ехавших в вагоне все ухудшалось, пошли взаимные оскорбления, нападки и угрозы, хотя до настоящей ссоры дело и не дошло. Единственным результатом всего этого было молчаливое признание факта, что пути господни неисповедимы.

За последнюю пару дней их общее психическое состояние изменилось. Не было теперь морального стимула, который направлял их деятельность, тащил их вперед на волне эмоционального подъема и преображал обстоятельства их жизни таким образом, что выразить их можно было лишь в терминах героической трагедии, где титаны и боги ведут борьбу с силами зла. Бури эмоций улеглись, и они были теперь просто бродягами в этом разрушенном, искореженном мире, людьми с обнаженными и воспаленными нервами, испорченным характером и переполненными мрачным юмором. Выхода из этого состояния не предвиделось.

Берн частенько находил, что смотрит теперь на своих сослуживцев как бы со стороны, и ему казалось, что здравый смысл и чувство ответственности у них почти полностью отсутствуют, за исключением тех, что требуются для выполнения возложенных на них в данный момент обязанностей. Он и не думал смотреть на это свысока, просто пытался понять, насколько схожи их и его ощущения. Было несколько странно сознавать, что чем большей загадкой считал сам себя человек, тем легче разгадывали его окружающие, словно читали в открытой книге. Причина, видимо, состояла в том, что в себе каждый видел муки противоречий при обдумывании предстоящих поступков, а окружающие видели в нем только само действие. И хотя он полагал, что в сравнении с ним другие люди не столь умны и здравого смысла у них меньше, он честно признался себе, что завидует низменным, животным инстинктам, которые управляют ими и помогают успешно преодолевать опасности. Он, безусловно, был наивен, но ведь они приняли его как своего, и он вполне ладил с ними. Однако был еще вопрос, который люди задавали друг другу при знакомстве: а чем ты занимался в мирной жизни?

Этот вопрос был полон смысла, и не только потому, что он косвенно обозначал бесконечность разнообразия людских типажей, которым воинская дисциплина придавала кажущееся единообразие. Он подразумевал также, что уж на сегодняшний-то день мирная жизнь вычеркнута из реальности, во всяком случае в их отношении, и существует лишь в мизерном виде, да и то в тылах сражающейся армии. С практической точки зрения она ничего не значит, и нет смысла принимать ее во внимание. Люди вернулись на более примитивную ступень развития, превратились в ночных хищников, стаей гоняющих то одного, то другого, и эта одинаковость была проявлением их собственной природы, а не порождением воинской дисциплины.

В этом и состояла запредельная правда войны: она сдирала с человека светские покровы и ставила перед фактом, таким же явным и неумолимым, как и сам человек. Но когда полк поредел настолько, что не мог далее расцениваться как войсковая часть и был выведен с переднего края для переформирования, индивидуальность личности вновь начала заявлять о себе. Давление противостоящей силы больше не действует, и пока штатная структура не будет восстановлена, дисциплина неизбежно падает. Болезненная вспыльчивость, безрезультатно кипевшая и порой вырывавшаяся наружу, пока еще безобидная там, в переполненном вагоне, уже была симптомом. Берн, которому хотя и повезло сидеть на полу, дышать свежим воздухом и нянчиться со своей пораненной пяткой, был взвинчен и озлоблен не меньше других.

Когда выгружались из поезда, было почти темно, так что Берну не удалось разглядеть названия станции, хотя, по его представлениям, они должны были находиться где-то неподалеку от Сент-Пола. Предстоял марш длиной в девять-десять миль. Место у тележки с пулеметом Льюиса занял другой солдат, а Берн встал между Шэмом и Мартлоу и снова шел со своей ротой. Теперь он заметно хромал, быстро устал и был почти при смерти, когда они наконец прибыли на место. Если бы не эта беда с ногой, поход в прохладном сумраке можно было бы считать даже приятным. Несколько раз полосы резвого дождя пересекали их путь, и по крайней мере один раз за дорогу на них обрушился проливной дождь. Потом небо было в основном ясным, со звездами и половинкой луны, которые смотрели на них из луж. По обеим сторонам дороги тянулись длинные ровные шеренги тополей, прямых и высоких, походивших на восклицательные знаки. Берн был слегка возмущен, когда Шэм – натура крепкая, здоровая и великодушная, – видя, как тот хромает, предложил понести его винтовку. Это было уже после одиннадцати, когда они пришли в Бомэ. Как только они зашли в деревеньку, батальон разбился по подразделениям. Мистер Созерн, отвечавший за партию, в которую попал Берн, не был вполне уверен, правильно ли выбрал места для постоя. Он приказал людям разойтись и отдыхать, пока он уточнит ситуацию, и они расселись вдоль сточной канавы на грязной улице. Не считая нескольких светящихся окошек, здесь не было никаких признаков жизни. Люди сидели притихшие, сильно уставшие, но от былой вспыльчивости не осталось и следа. Безмятежность окружающей местности и ночная тишина действовали благотно.

Когда наконец отыскалось место для ночлега, Берн снял башмак и обследовал свою пораненную ногу. Носок затвердел от засохшей крови, а рана была грязной. Заметив пробивавшийся из дома свет и подумав, что стоит попытаться счастья раздобыть немного горячей воды, чтобы распарить пятку, он постучал в дверь самым солидным образом. Дверь открыл старик с лицом, выражавшим сочувствие и готовность оказать помощь. Когда Берн на своем слабеньком французском объяснил, что ему нужно, его пригласили зайти и присесть на стул. Хозяин принес горячей воды в тазике и настоял на том, что сам отпарит рану. Когда это было сделано, он подошел к буфету – комната представляла собой нечто среднее между гостиной и кухней, – достал оттуда бутылку коньяка и налил немного в чашку, при этом сердце Берна наполнилось ликованием. Но вопреки его ожиданию, старик взял кусок льняной материи, свернул его подушечкой, пропитал коньяком и, сноровисто приподняв ногу Берна, стал выжимать тряпочку, так что коньяк, капля за каплей, падал на рану. Берн чувствовал небольшое жжение и, относясь скептически к исцеляющему действию этого снадобья, сожалел, что нельзя принять его внутрь. У него не хватало словарного запаса, чтобы составить фразу и хоть что-то ответить на многословные заверения старика, что это *bon, tres bon pour les plaies*²⁴.

Наконец, слегка отжав тряпочку, тот приладил ее на рану. Берн натянул поверх чистый носок. У него всегда была запасная пара, и по чистой случайности она оказалась свежей. Как и большинство его сослуживцев, Берн выкинул из ранца все лишнее, включая нижнее белье. Когда на марше человеку приходится тащить на себе килограммов двадцать амуниции и сна-

²⁴ Хорошо, очень хорошо для раны (*фр.*).

ряжения, он лишается желания заботиться о завтрашнем дне, предпочитая полагаться на то, что ему выдадут чистую пару белья после бани где-то в тылу, несмотря даже на непредсказуемость интервалов между такими банями.

Хотя к моменту окончания медицинского обслуживания Берн в своих благодарностях полностью исчерпал доступный ему запас французских слов, любезность пожилого господина распространилась настолько, что Берн получил еще и чашечку свежесваренного кофе, щедро сдобренного знаменитым снадобьем, заживляющим пораненную и опухшую пятку. Они поговорили еще немного. Берну не удалось убедить хозяина принять за услуги какую-либо плату, а вот несколько сигарет тот взял и, поломав, набил ими свою трубку. Как понял Берн, старик был в доме один, а его сын находился сейчас на фронте. Единственным, кроме сына, родственником пожилого господина был брат, профессор английского языка в провинциальном университете. Эти два факта увеличили степень взаимной симпатии и благожелательности между ними настолько, что, отправляясь спать, Берн имел приглашение снова посетить дом следующим утром.

Проснулся он рано и, не зная точно, где расположилась полевая кухня, решил воспользоваться вчерашним приглашением, чтобы раздобыть горячей воды для бритья. Он был приятно удивлен действием бренди на его пораненную пятку: опухоль пропала, а от боли остался лишь легкий дискомфорт от толстого шва на заднике ботинка. Старика он нашел приболевшим, тот заварил чай и принимал его как лекарство, без всякого удовольствия. Берн заглянул в газету в надежде найти что-нибудь о войне, но там кроме немногих бесцветных подробностей с французского фронта практически ничего не было, никто ничего не знал. Было похоже, что действует слепая природная сила, которой невозможно управлять, которую невозможно осмыслить, и нельзя даже предугадать ее направление в следующий момент времени. Боевой дух войск был на высоте, о поражении не могло быть и речи, но предсказать, насколько весь этот конфликт затянется, было выше человеческих сил. Возможно, стоило посмотреть на это с научной точки зрения, но научный метод состоит из проб и ошибок. Берн лишь мельком проглядел торжественно-пустые фразы и задался вопросом, сможет ли он до построения раздобыть в сапожной мастерской новую пару башмаков, неофициально конечно. Когда, наконец, старик закончил свои чайные процедуры, Берн получил остатки горячей воды и отправился бриться. У сапожников к нему тоже благоволили и дали пару башмаков, уверив, что башмаки эти по модели и качеству предназначены исключительно для офицеров и сделаны из специального индийского сафьяна, о существовании которого Берн прежде и не подозревал.

– Строго говоря, – уверял его приятель Снобби Хейнс²⁵, – это офицерские башмаки. Но размер такой махонький, что можешь забрать их себе, если придется впору. Хоть бы нам остаться тут на подольше, местечко – что нада! Пара славных кабачков, мамзельки. Не то чтоб я находил чего-то в этих французских девках, поверь, по сравнению с моей зазнобушкой, что дома осталась, любая из них будет дура дурой. Но уж если не можешь получить всего чего хоча, будь доволен тем, што есть.

Берна не взволновал сокровенный смысл этого изречения, он все принимал и во всем соглашался безоговорочно, в этом был один из секретов его счастливого существования. Ему понравились новые башмаки, поскольку их кожа действительно была крепкой, но при этом мягкой и упругой, и если их еще хорошенько смазать, держали бы воду... Да кто ж начищает башмаки на действительной службе?

Развод был в десять, им предстояло заняться строевой подготовкой. Но когда они построились, сержант Тозер спросил, есть ли кто-нибудь, кто умеет печатать на машинке. В строю

²⁵ Игра слов: «снобби» (Snobby) в английском языке имеет не только значение «сноб», но и старинное, редко употребляемое значение «сапожник».

никто не отозвался, Берн тоже промолчал, хотя когда-то игрался с «Бликом»²⁶. Они выдвинулись в поле и занялись строевой. Но в одиннадцать появился полковой штаб-сержант, снова был затребован человек, владеющий машинописью, и поскольку снова никто не вызвался, Полковой вызвал Берна и допросил его с пристрастием. Он отлично знал, что Берн – покладистый малый, и, когда тот под давлением признался, что знает, как пользоваться пишущей машинкой, ему было приказано явиться в канцелярию к часу дня.

Ему очень не хотелось браться за такую работу. В печатанье на машинке он был тем еще специалистом, но это мало его заботило, ему не нравилось, что придется целый день сидеть под пристальным взглядом начальства. Он не имел опыта общения со штабной братией, но, пусть даже с чужих слов, имел стойкое предубеждение против людей, составляющих штат канцелярии. Поэтому для него было прямо-таки облегчением узнать, что для этого имелись все основания, а значит, не было необходимости даже пытаться подстроиться к новым условиям. Работа его была временной, и его заботой было сделать так, чтобы она не стала постоянной. Для ее окончания в обозримом будущем, решил он, самым подходящим будет строить из себя усердного и недалекого придурка, попросту говоря, «включить дурака». Он уже завоевал для себя определенное положение среди бойцов роты и не хотел что-либо менять, а намерен был к ночи вернуться на занятую им койку в глубине помещения и всласть оторваться среди шумной и бойкой на язык компании своих товарищей.

Младший капрал принял его недоверчиво и отослал к капралу, лицо которого носило печать свирепости. Тот представил его штаб-сержанту, походившему на кота и оскалившемуся вставными зубами в осуждающей улыбке. Он, казалось, расценивал Берна как очередную напасть, которую Господь, в своей непостижимой мудрости, выбирает, чтобы покарать своих верных слуг. Пока шла эта небольшая церемония, в канцелярии появился капитан Моллет, на которого были временно возложены обязанности адъютанта. Они вытянулись по стойке смирно; в ответ он холодно и небрежно бросил руку, как бы удостоверяя, что заметил их присутствие. Но когда, усевшись за свой стол, он перевернул какие-то бумаги, Берн, встретившись с ним глазами, уловил мелькнувшую на мгновение озорную мальчишескую насмешку. Казалось, что-то в Берне всегда вызывает в нем веселье. Остальные, естественно, заметили все это, с подчеркнутым безразличием делая вид, что ничего не замечают, и недоумевали, что мог бы означать этот неформальный обмен приветствиями.

– Объясните Берну, что от него ожидается, – приказал штаб-сержант младшему капралу с почти заискивающей благожелательностью, однако и с легким нажимом на слово «ожидается», что придало оттенок елейности его язвительно-презрительному тону. Берн уселся за маленькую «Корону»²⁷, чтобы немного познакомиться с ней. Однако не все его внимание было приковано к машинке, он отдавал себе отчет в том, что остальные внимательно его изучают, да и сам он уже осторожно выдвинул тоненькие усики антенн и аккуратно ощупывал ими окружающую обстановку, пытаясь разобраться в сложившейся ситуации. Определяющим фактором был, безусловно, штаб-сержант, двое других – не в счет, или, грубо выражаясь словами правильных ребят, им пора смазывать лыжи.

Когда капитан Моллет, старавшийся проводить минимум времени в этой неприятной атмосфере, вышел, они снова принялись болтать между собой. Постороннему трудно было следовать за предметом их беседы, но ее манера была предельно проста.

Берн сразу понял, что его специфическое задание – чистая выдумка, даже младший капрал Джонсон не был обременен работой, вся дневная норма печатания на машинке не требовала и двадцати минут времени. На самом деле этой роскошной компании требовался всего лишь мальчик на побегушках, и хотя Берн обычно старался не использовать вульгарных выра-

²⁶ Марка пишущей машинки Джорджа Бликенсдерфера, производилась с 1892 года в США.

²⁷ Марка пишущей машинки Фрэнка Роуза, производилась с 1892 года в США.

жений, он точно знал, куда пошлет их, если те попытаются превратить его в главного денщика при канцелярии. Поэтому, когда пришло время сделать перерыв на чай, он не стал соревноваться с младшим капралом за право принести чай для штаб-сержанта, а, прихватив свой котелок, пошел на полчаса к своим.

– Ну и как те там? – поинтересовался сержант Тозер.

– О! Тепленькое местечко, – безразлично ответил Берн. – Я не прочь потащиться там недельку-другую, но ваще-то не та работа, за которую я бы стал держаться. По мне, так лучше быть со своей ротой.

– Некоторые и не понимают, в чем их фишка, – отрезал сержант.

– Ну, не знаю. У вас в отделении всегда порядок, если только фрицы не слишком обстреливают.

– Штаб-сержант Робинсон интересуется, сможешь ли ты надыбать в канцелярии несколько блокнотов и карандашей. Ни он, ни этот чмошник-снабженец ни хрена не могут выпросить у этих пидоров.

– Пиздану оттуда все, что только пожелает штаб-сержант, – беспечно ответил Берн, – только пусть он даст мне время осмотреться!

Он вернулся в канцелярию и только к половине шестого освободился от своего изнурительного труда, а потом, прихватив с собой Шэма и Мартлоу, направился в кабачок, намереваясь провести время настолько хорошо, насколько позволят место и их кошелек. Батальон получил денежное довольствие аккурат в двенадцать пополудни, и заведение было переполнено шумной толпой, люди словно отсчитывали время, топая по полу и горланя изо всех сил:

Мамзель телку покупала, парлэ-ву,
А как доить ее не знала, парлэ-ву,
И давай тянуть за хвост заместо титьков,
По уши себя залила – МАЛАКОМ!

Бессмыслица последней строфы утонула в море ржача и гиканья, стирая излишнюю утонченность стихов. Берн заказал бутылку какой-то отравы с этикеткой шампанского, сварганенной из яблок и картошки и градусом чуть больше красного вина или французского пива. Потом все трое затерлись в толпу, окружившую стол с игроками в «Корону и якорь», где банковал, тряся стаканчиком для костей, Снобби Хейнс.

– Ну, кто чего кинет на крючок-якорек? Давай, везунки! Не наебешь – не проживешь! Ставь на старичишку-якоришку, испытай свою судьбишку! И это все? Ладненько, поехали! О, это – штаб-сержанту. Ну, чо я вам говорил! А мы опять в полете, мы опять в полете.

Берн отжил ставку и, поскольку у стола он был втиснут рядом с Томпсоном, каптерщиком, выдал тому десять франков в счет оплаты услуги, оказанной еще в Песчаных карьерах. Томпсон продул их в несколько минут, и Берн дал ему еще десять, которые отправились следом. Поскольку щедрость Берна на этом иссякла, Томпсон попросил ссудить ему еще пятерку, которая исчезла так же быстро. Шэм маленько выиграл, а Мартлоу проигрывал. Проиграв изрядно, он закрыл свою мошну, понимая, что все время пролетает. А Берн ухватил побольше, чем свою долю удачи, и, поскольку безутешный Томпсон по-прежнему болтался возле алтаря фортуны, на который уже принес не меньше двух своих зарплат, Берн дал ему еще пять франков и посоветовал пойти попытать счастья с вином или женщинами, потому как в той игре ему, верняк, повезет больше. Томпсон принял совет и отвалил, разочарованный черствостью мира. Затем, совсем неожиданно, Берн проиграл. Но он продолжил игру, и фортуна вновь повернулась к нему лицом. Он встал из-за стола, выиграв около семидесяти пяти франков, и они раздавили еще бутылку шампанского, прежде чем выйти в темноту и направиться к месту постоя.

В доме старика еще горел свет на кухне, и Берн решил нанести ему визит, справиться о здоровье. У Берна имелась вересковая курительная трубка в специальном кожаном чехольчике, которую еще в Англии прислал ему кто-то из друзей. Сейчас она оказалась при нем, несмотря на то, что он не курил трубку; и он презентовал ее своему гостеприимному хозяину в знак благодарности за прием. Старик был удивлен и польщен. Чувствовал он себя снова вполне прилично и пригласил Берна выпить с ним по чашечке кофе с коньяком. Берн отказался, объяснив, что утром им предстоит выступать, но если монсеньер позволит, он зашел бы пораньше утром выпить кофе на дорожку. Монсеньер заявил, что это будет очаровательно.

Глава V

Я склоняюсь к убеждению, что тиранство стариков – бесполезный предрассудок, властвующий над нами только потому, что мы его терпим.

У. Шекспир²⁸

Следующие несколько дней они были на марше, и Берн не работал на канцелярию, разве что помогал грузить и разгружать жестяные коробки с документами. Принимал пищу, шагал, спал он со своей ротой. Капитан Моллет неожиданно убыл в отпуск, и адъютантом вместо него стал капитан Хевлок. Дорога была пыльной, большей частью равё²⁹, горячей, твердой и неудобной для ходьбы, истертые камни вывернуты и сдвинуты. Придорожные платаны и тополя стояли редко и вовсе не защищали от безжалостно палящего солнца. В двух днях марша от Боме под вечер они расположились на привал под каменной стеной. Высокая, футов пятнадцать, не меньше, стена имела единственные ворота, под арку которых и уходила дорога. По другую сторону дороги плакучие ивы склонялись над светлыми струями маленькой быстрой речушки. Несколько человек из недавнего пополнения отстали и еле дотащились до места привала, за что назавтра должны были явиться на рапорт. Да и все они здорово устали, пот насквозь пропитал их гимнастерки, оставляя на ткани темные пятна, особенно под лямками ранцев.

Сквозь ворота был виден широкий двор с обязательной навозной кучей посередине. В дальней его части возвышался большой дом, что-то среднее между фермой и замком. С одного фланга двор замыкал пристроенный к дому огромный каменный амбар, с другого – не менее солидные конюшня и хозяйственные постройки. Все это с виду напоминало монастырь и выглядело богато и процветающее.

Растворив огромные двери, они вступили в пустое и холодное пространство амбара, которое при необходимости вместило бы и две роты и казалось лучшим пристанищем из всех, что они имели за последние месяцы. Их взгляду предстало высокое и величественное, словно церковь, помещение. Крышу поддерживали балки и стропила из нетесаных бревен, стены прорезали узкие окна для освещения и вентиляции, а пол был покрыт толстым слоем прекрасной сухой соломы. Какая-то летучая живность в панике билась им в лица и стремительно неслась прочь, отступая перед их самообладанием. Они скинули на пол снаряжение и стянули свои промокшие от пота гимнастерки, развернули обмотки и тут уж растянулись в расслабухе.

– Козырное местечко, – удовлетворенно проговорил Шэм. – Интересно, а как тут в деревне? Хорошо б зависнуть здесь на недельку, если только мы не направляемся в какой-нибудь приличный городок, конечно.

– Какая-то пакость кусает мои ноги! – через несколько минут сообщил Мартлоу.

– И меня тоже, – сказал Берн. – Что за блядство?.. – Да я весь в этой параше! – злобно заявил Питчард.

Люди с проклятиями скреблись и чесались, поскольку солома кишела куриными блохами, которые, казалось, кусали человека в сотне мест одновременно. В сравнение с этими мелкими черными тварями, обладавшими живым и злокозненным нравом, ласковая неторопливость вшей казалась просто нежностью, так что поток нечестивого богохульства, исходивший от удивленных и растревоженных людей, был наполнен непривычной страстностью. Это был полный разгром, они с ожесточением скребли себя грязными ногтями. Но постепенно укусы становились реже, и, за исключением отдельных укулов, люди, казалось, вовсе перестали

²⁸ Шекспир У. Король Лир. – Ч. 1, акт 1, сцена 2 / Пер. с англ. Б. Пастернака. Существует и другой вариант в переводе Г. Кружкова: «Эта тирания стариков несносна и держится не на их силе, а лишь на нашем согласии ее терпеть».

²⁹ Мощенная булыжником дорога, булыжная мостовая (фр.).

их чувствовать, словно приобретя иммунитет. Определенно, эта куриная блоха предпочитала более деликатный корм. С большими трудностями им удалось поймать пару штук, и они со всей серьезностью изучили их. Выяснилось, что эти твари не столь омерзительны, как ползучая, белая, похожая на краба, вошь, копошащаяся среди своих личинок – гнид – на всяком покрытом волосами участке тела. Эти всего лишь проводили свои рейды в поисках удовольствий, и, когда первый натиск ослабевал, стрелковые цепи, участвовавшие в этом судорожном набеге, становились более-менее переносимыми.

Бывалые солдаты говорят, что после марша не следует снимать башмаки и носки, пока не остынешь и не спадет отек на ногах, а если распарить опухшие ноги, то станет только хуже. Пока готовился чай, они отдыхали, а при раздаче пайка им и вовсе счастье привалило: получили по буханке хлеба на четверых и жестянку консервированного масла да баночку джема на шесть человек. Поев и перекурив, Шэм, Берн и Мартлоу, захватив полотенца и мыло, побрели вдоль берега реки в поисках уединенного места. Там они разделись и искупались. Им и невдомек было, что купаться запрещено, и после купания, не обуваясь, они уселись на бережок, уперев ноги в каменистое речное дно. В таком виде их застал полковой полицейский³⁰. Он грубо обложил их, поминая личные качества, их прошлое и перспективы на будущее такими вычурными фразами, что не хватило бы никакого воображения, чтобы прибавить хоть что-то к уже сказанному. Поскольку в ответ они высказали лишь сдержанное восхищение его позицией по данному вопросу и особой выразительностью речи, он ограничился тем, что сопроводил их к месту постоя и предупредил о запрете появляться в пределах деревни. Сам же, переполненный ощущением превосходства над себе подобными, отправился своей дорогой по этой запрещенной территории в поисках небольших запретных удовольствий.

– Этим сукам наплевать на нашу жизнь, – с горечью произнес малыш Мартлоу, – мы тут скачем с ухаба на ухаб, как последние чмошники, тащимся через всю эту сраную Францию, а для них война – сиди себе дома, качай подбородком да рассуждай о том, как красиво они бы рисовались, будь на двадцать лет моложе. Дай им Господи стать такими молодыми, а мы бы съебались домой повидать своих.

– Вот это, сука, точно! – согласился Шэм. – Пять, сука, недель на Сомме без бани и с буханкой хлеба на тридцать человек! А когда тебя отводят на отдых, ты даже ноги не можешь пополоскать в реке и сходить в деревню хлеба купить! И втирают тебе, будто так и надо.

– Что вы тут сопли жуετε? – не выдержал Берн. – Ты же помылся, искупался и не платил за это ни гроша. О чем ни заговоришь, ты все ворчишь! А не хочешь ли чайку на водичке, которой сперва кто-то помылся, а? Я лично собираюсь наведаться к тому домику, навестить местных жителей. Там, верняк, мамзельки имеются. А, Мартлоу? Как раз по тебе!

– Ты уж сам давай, порадуй себя, – ответил Мартлоу, – я не пойду. Неохота мне смотреть на гражданскую жизнь.

Берн нашел вполне гостеприимное женское общество и несказанно обрадовался. Хозяйка, у которой он купил пару стаканов вина, попросила его не рассказывать другим об этом месте, поскольку здесь и так слишкомлюдно. Из амбара через двор неслись обрывки песни – солдаты распевали хором, – и хозяйка, прислушиваясь, расхваливала англичан, их мужество, их обходительность. Она спросила, не споет ли и Берн чего-нибудь. Он засмеялся и вывел тонким голосом:

– Dans le jardin de mon pere les lilas sont fleuris.

Она удивленно повернула к нему румяное лицо с капельками пота.

– Aupres de ma blonde qu'il fait bon, fait bon, fait bon,

³⁰ Полковая полиция или полковой ректор (RP) – в британской армии эти солдаты отвечают за соблюдение полковой дисциплины и содержание подразделений. Они принадлежат к полку или корпусу, в котором следят за дисциплиной, а не к Королевской военной полиции или ее эквиваленту.

*Aupres de ma blonde qu'il fait bon dormir...*³¹

Но дальше этих строчек он слов не знал. Зато она знала хорошо и объяснила, что дальше там сплошь непристойности. Он понимающе кивнул головой и, радуясь, что удалось зайти с этого фланга, переключил свое внимание на девицу, которая, однако, благоразумно сделала вид, что не заметила его взгляда. Хорошенькой ее можно было назвать лишь с большой натяжкой, но это с лихвой перекрывалось ее цветущей молодостью. К тому же под темными ресницами блестели карие глазки оттенка лесного ореха, те, что становятся чистым золотом, когда в них попадает лучик света.

Вошли два престарелых господина и уставились на Берна с мрачной подозрительностью. Хозяйка и девица сутились, собирая ужин. Каждый раз, как дамы подходили к его столику, Берн с изысканной вежливостью поднимался со стула, что не могло остаться незамеченным и, похоже, все более усиливало подозрительность младшего из старичков.

– *Asseyez-vous, monsieur*, – произнес он с подчеркнутым сарказмом, – *elles ne sont pas immortelles*.

– *C'est dommage, monsieur*³², – ответил Берн достаточно бойко для своего неуклюжего французского.

Хозяйка вновь одарила его лучезарной улыбкой, и все же уныние от недовольства старичков его здесь присутствием было невыносимым; он взял фуражку, поблагодарил хозяйку за гостеприимство, вежливо поклонился барышне и, наконец, отсалютовал двум захудалым аристократам столь подчеркнуто педантично, что тем пришлось подняться и выразить признательность за его изысканную учтивость. В полутьме пересекая двор, он усмехнулся, а потом принялся насвистывать мотивчик *Aupres de ma blonde*, достаточно громко, чтобы его было слышно в освещенной комнате. Как знать, а вдруг завтра ему улыбнется удача.

Девушка немного взволновала его. Она разбудила в нем ощущение нехватки чего-то важного, чувство, которое более или менее отчетливо проявляется у всех мужчин, лишенных женского общества, так что им приходится впадать в крайности, от опасной сентиментальности до явной непристойности. Такой перекося сознания просто необходим, чтобы не свихнуться, поскольку этот голод не насытишь грезами и мечтаниями. В отвратительном трепете от близкой гибели люди инстинктивно ищут любви, потому что им кажется, что только она подтверждает их реальное существование. В окопах это чувство нехватки стирается, но моментально начинает вновь давить на человека, как только он подступает к границе цивилизованной жизни, ибо, по сути, это всего лишь природные потребности мужчины, – потребность в пище, потребность в женщине, – естественные потребности, физиология. В окопах все усилия человека направлены на то, чтобы избежать гибели, и это полностью забирает его внимание и силы. По сравнению с заботой о сохранении собственной жизни стремление к насыщению женщиной или едой можно рассматривать как простейший отвлекающий маневр в случайно выпавшую свободную минутку. А в смертельном ужасе боя этим вожеланиям вообще нет места, женщина просто перестает существовать, как будто такого понятия просто нет и не могло быть. Потом уже – да. Потом все необузданные страсти, освобожденные битвой, все эти притязания на господство своей единственной и неповторимой воли, которые на некоторое время были подавлены физическим и моральным истощением, вновь оживают. И тогда для них нет более подходящего выхода, чем в упоении физической любовью, гораздо менее мучительной.

К несчастью, на следующее утро им пришлось выступать, и девушка, стоя во дворе, как и другие местные, смотрела на уходящих, испытывая смутное сожаление от потери хороших самцов. Ближе к середине дня в окрестных пейзажах появилось что-то знакомое, и узнаваемые

³¹ – В папашинем саду цветет сирень... – С моей блондиной так хорошо, так хорошо, так хорошо. С моей блондиной так хорошо полежать (*фр.*).

³² – Присаживайтесь, мсье. Это вам не сошедшие с небес богини. – А жаль, мсье (*фр.*).

детали, словно проверяя их память, делались все более отчетливыми, пока они не дошли до указателя, сообщавшего, что движутся они в направлении городка Нё-ле-Мин³³, и тогда смутные предположения превратились в предчувствие. Мысли о городе, где по-прежнему имеются приличные условия, где можно приятно провести время, воодушевляли настолько, что маршевая колонна грянула бодрую песню. Они переиначили, по крайней мере частично, слова довольно сентиментальной песенки:

Этих звали из Вэсчерча,
А других из Уэна,
И созвали кучу женщин,
Отодрав всех мэнов.

После таких слов призывы хранить домашний очаг казались сплошным лицемерием. Вступая в Нё-ле-Мин, они неистовствовали, но когда миновали проулок, ведущий от главной улицы к лагерю, хор голосов уже не был таким убедительным. Когда позади остались огромная гора шлака под конвейерными лентами и крестовины железнодорожных путей, воодушевления в них поубавилось. Впереди, однако, еще сохранялась перспектива довольно приличного Мазенгарба. Но потом и Мазенгарб с его кирпичной пивоварней исчезли за спиной.

– Похоже, опять нас в ебанные окопы ведут, – заорал Минтон, шагавший как раз перед Берном.

– А в окопах щас прям как в жопе, – подытожил Притчард, покорно принимая судьбу.

– Да на хуй такую жопу, – огрызнулся Минтон.

Они прошли еще немного по дороге на Вермель и наконец остановились в Филосфэ, шахтерском поселке с закопченными кирпичными домами. Поселок был пуст, гражданских эвакуировали. Тут строй распустили, и они в угрюмом молчании разбрелись по квартирам. Почти сразу Шэм и Мартлоу были заряжены в наблюдение; им выдали бинокли и свистки, чтобы подавать сигнал при появлении вражеской авиации. Личному составу подразделений было приказано держаться ближе к домам при перемещении по населенному пункту и по сигналу тревоги спускаться в укрытия.

Берн направился в канцелярию. Главная улица Филосфэ под прямым углом упиралась в дорогу Мазенгарб – Вермель, в другом ее конце была еще одна улица, строго параллельная дороге, и канцелярия располагалась в третьем доме по левой стороне.

Поселок был почти не поврежден орудийным огнем, но выглядел угрюмым и неприятным. Впрочем, пара-тройка семейств еще оставалась здесь, и местные детишки время от времени пробегали вдоль по улице с большими корзинами в руках. «Английские олады, английские олады!» – меланхолично выкрикивали они странными высокими голосами.

Берн, не прилагая специальных усилий, укреплял свои позиции в канцелярии. Штаб-сержант, исполненный постоянной иронии, поинтересовался, не зачислить ли его в штат канцелярии на постоянной основе. В ответ Берн твердо заявил, что предпочел бы вернуться в роту. Когда, наконец, все поняли, что он не лукавит, отношения стали более дружескими. Распаковывая вместе с младшим капралом коробки, Берн невзначай упомянул, что штаб-сержанту Робинсону нужно бы подогнать несколько блокнотов и карандашей, он тут же получил их; и когда они вместе с капралом отправились обедать, он забросил эту канцелярию штаб-сержанту. Тот был не один, в комнате сидели сержант Тозер и еще парень из штаба полка.

– Повезло тебе хоть ненадолго затариться в канцелярии, – сказал штаб-сержант. – Командир батальона считает, ребятам нужно дать немного отдохнуть, и говорит при этом, что все имеющееся время нужно использовать для тренировок. Ротные караулы и караул штаба полка

³³ Городок во Франции, регион О-де-Франс, департамент Па-де-Кале, далее – населенные пункты в той же местности.

должны выходить на построение возле помещения канцелярии в одиннадцать часов каждый день, и думается мне, будут еще рабочие команды на передовую каждую ночь, сука. Как тебе капитан Хевлок в канцелярии? Ребята называют его Дженни. Видел его несколько минут назад, они с командиром батальона направлялись в бригаду. Бригада сейчас в Ле Бреби. Капитан Моллет на днях возвращается в роту. А нам, сука, предстоит проводить время за перетаскиванием газовых баллонов на Потсдам-аллею, так я слышал.

Прикинув перспективу таскать баллоны весом по сто восемьдесят фунтов каждый, подвешенные на слеге, которую берут на плечи два человека, Берн пришел к выводу, что канцелярия имеет определенные плюсы. Кроме всего прочего, таскание баллонов осложнялось тем, что работа выполнялась в противогазах типа ПХ³⁴, в которых и так жарко и нечем дышать. Он вернулся в канцелярию с оформившимся желанием быть тише воды и ниже травы.

На следующий день роты по очереди отправлялись в Мазенгарб в баню. В первой комнате они раздевались догола, сдавали дежурным полотенца, носки, трусы и майки, а взамен получали укомплектованное и скатанное в тугие свертки чистое белье, которое люди брали не разбираясь и без разговоров. Только в случаях, когда вещи были совсем уж не в размер или абсолютно непригодны, можно было обратиться к штаб-сержанту, чтобы тот вмешался. Однако и его помощь не всегда давала нужный результат. Все было, как обычно, в мойках при пунктах приема раненых или в дивизионных банях: жлобы из дежурных с дружками разбирали лучшее из того, что попадало им в руки, а бойцам приходилось довольствоваться тем, что осталось. Люди оставляли чистую смену белья, ботинки и хаки и голышом проходили в большое помещение, где разбирались по двое, выстраивались, готовясь к помывке. Тут было несколько самодельных душевых кабин, и здесь они шумно, буйно, с похабными шуточками и жеребьячьим ржанием намыливались и окатывались водой. «Че ты к стенке мордой повернулся, приятель? Че боишься свой стручок показать?» – кричал кто-то робкому молодому новичку. Тот глянул через плечо – лицо красное, взгляд негодующий – и был встречен хохотом; кто-то вытолкнул его из-под струи, и они принялись бороться, скользя в мыльной пене. Они были сама невинность, естественные в своей грубой брутальности. В их ярости угадывалось добродушие. Забавляясь его горячностью и глупым положением, кто-то вступился за него, помог вывернуться из рук и вернуться под струю душа, где он продолжил мытье как ни в чем не бывало. Наконец, после некоторой борьбы за водные струи, они вытерлись, оделись и двинулись из бани. Их место заняла другая рота.

В канцелярии Берн сидел рядом со связистом за длинным столом, придвинутым к стене под двумя окнами. Он сидел спиной к комнате и смотрел в окно на улицу, где время от времени проходили солдаты. Эти несколько дней, проведенные в Филосфэ, вогнали его в непонятно откуда взявшуюся депрессию. Он говорил себе, что он всего лишь один из тысяч тех, чья жизнь, если они не на передовой, абсолютно пуста. Люди перемещаются по Франции и не видят ничего кроме дорог, по которым движутся, и коровников, где спят. Они не более чем автоматы, чья осознанная жизнь осталась в Англии. Но, непонятным образом, он был отторгнут даже от них. Он был не из их графства, он был даже не из их страны, не их религии и только отчасти их расы. Когда они говорили о своих далеких поселках и деревушках, о сонных торговых городишках, в которых ничего не происходит, разве что часы на колокольне отсчитают ударами время, он чувствовал себя чужестранцем. В странной тоске по дому, накатывающей на него, ему не нужна была компания, лишь уединение.

На следующий после похода в баню день Берн заносил приказы в книгу учета. В канцелярию зашел командир батальона и грубо потребовал лист бумаги и карандаш. Берн подал, что было приказано, и, вернувшись на свое место, аккуратно закрыл книгу. Не следовало сту-

³⁴ PH gas helmet – тип противогазов, использовавшихся в британской армии во время Первой мировой войны. Защищали личный состав войск от хлорина, фосгена и слезоточивого газа.

чать на машинке в присутствии командира и во время докладов. Он смотрел в окно на построение нарядов и караула. Дежурный офицер мистер Созерн и полковой штаб-сержант проводили личный осмотр людей. Закончив осмотр, полковой зашел в канцелярию и отдал честь. Адъютант надел фуражку и вышел из комнаты, полковой последовал за ним. Они были уже в коридорчике у входной двери, когда Берн, глядевший в окно, успел заметить ослепительную вспышку, следом донесся грохот взрыва, и ливень битого стекла хлынул на стол перед ним. Через мгновение улицу заволокло пылью, но Берн успел разглядеть полкового, который уже выскочил за дверь и орал приказы людям, спешившим в укрытие. Девятеро остались лежать на мостовой. Первым порывом Берна было броситься на помощь. Уже перекинув ногу через лавку, на которой сидел, и обернувшись, он успел зафиксировать, словно фотографию, увиденную картину: командир батальона с округлившимися глазами, оскаленными зубами и гримасой непонимания на побледневшем лице невидящим взглядом уставился в пространство, пожилой штаб-сержант с упертыми в пол кончиками пальцев, похожий на идущую обезьяну, и Джонсон, присевший у стены. Рейнольдс неподвижно стоял к ним лицом, замерев, словно прислушиваясь.

– Сиди тихо, – предупредил связист шепотом, но, едва капрал шагнул к двери, Берн последовал за ним.

– Можем мы чем-нибудь помочь? – тихо спросил он.

– Нет, – ответил капрал твердо, – санитары с носилками уже там. Вам не следовало покидать своего места, но теперь уж пойдемте со мной.

Он вышли на улицу, а адъютант и дежурный офицер скользнули мимо них в помещение канцелярии. Снова стало совсем тихо, последнего раненого унесли санитары. Командир батальона, капитан Хевлок и дежурный офицер вышли из помещения и свернули за угол к главной улице, так что Берн и капрал остались единственными действующими лицами в этой сцене. Они посмотрели на окровавленную брусчатку мостовой, затем подняли глаза к небу, где в синеве расплывалось и таяло на глазах несколько клубков белого дыма.

– Многовато для одного ебаного построения, – с горечью проговорил Берн.

– Мне кажется, идет война, – с ноткой фатализма отозвался капрал.

– Война, – воскликнул Берн. – Они выставляют посты с биноклями и свистками, чтобы подавать сигнал тревоги! Подразделениям приказано как можно меньше показываться на улице и держаться ближе к стенам домов! Полиция имеет задачу останавливать и удалять с улицы всех долбоебов, еще не понявших или забывших приказ! И после всех принятых мер и приготовлений пятьдесят человек строятся посреди улицы напротив канцелярии – в качестве мишени, надо думать, – и торчат там по двадцать – тридцать минут! Хорош, сука, способ ведения войны!

– Что толку говорить об этом? Если немец не перебросил все силы на Сомму, нас тут за полчаса в дерьмо размесят. Айда под крышу, да поживее.

В помещении канцелярии Берн поймал намекающий взгляд штаб-сержанта и без разговоров принялся убирать битые стекла со стола и с пола, складывая стопкой большие осколки. Младший капрал пришел ему на помощь, и когда они собрали все, что можно было собрать руками, Берн замел мелочевку веником. Закончив, он уселся печатать. Время от времени аппарат связиста начинал выстукивать морзянку, и связист заносил сообщения на бланки, которые передавал Джонсону, а тот вручал их штаб-сержанту. Печатавая приказы, Берн слышал за спиной обрывки их разговора, а иногда связист, приставив ладонь к губам, тихо говорил в микрофон. Берна это не касалось, и он не задумывался над тем, что слышит.

«Неожиданное нападение ... тишина, ни звука ... артиллерия на Сомме ... все тихо-спокойно ... бахвальство, вот что это такое ... староват я для такого ... не бомба ... батарея противовоздушной обороны ... да бомба это, точно ... говорят, два снаряда не взорвались

... майор ... что ... да ... думали, родит под столом ... хватит трепы ... по большей части ... аэропланы...»

Все это была бессмысленная чушь. Закончив печатать приказы, он вставил в машинку чистый лист и принялся отстукивать все, что придет в голову, тренируясь в скорости: разрозненные строфы стихов, афоризмы на латыни, *aequamemento rebus in arduis servare mentem*³⁵. У него в кармане был текст из Горация в переводе Коннингтона³⁶; «окрасит пол густым вином» было *præmentum meo*³⁷; почему эта фраза пришла ему в голову сейчас? «Густым вином» плоховато звучит, а «окрасит» в начале строки делает ее еще отвратительнее. Да ладно, какая разница, хоть как-нибудь заполнить время. Он продолжил бить по клавишам пишущей машинки: «и лучше, чем под папским престолом». Самое лучшее было бы сейчас – пойти и напиться и этим скрасить мерзость кровавой обыденности. Заполнив лист, он вытащил его и хотел перевернуть на другую сторону, но прежде решил взглянуть, много ли ошибок наделал. Кинув взгляд в окно, он увидел двух солдат, убирающих улицу. Да, фрицу наплевать, где бомбить, тут и говорить не о чем. Он в задумчивости положил подбородок на руки. В наши дни люди потеряли в цене, если не иметь в виду шахтеров или клепальщиков на судоверфях, для которых война означает повышение заработной платы. Офицеры в дефиците, но их может быть и на пару человек меньше без особого ущерба. В целом у нас достаточно офицеров. Майор Шедуэлл и капитан Моллет, которые вытянули из тебя последнюю каплю, но и сами тянут ляжку, и несчастный мистер Клинтон, отважный, но уже отыгравший свою роль. И мистер Созерн, который хоть и жопа, но вполне честный малый. Был тот старый командир бригады в Тронском лесу³⁸, ему, наверное, было под шестьдесят, но он нашел в себе силы прийти и сделать все от него зависящее и остаться с ними. Но были и другие, кто не прочь побережься. Время шло к обеду.

– Берн, – неожиданно сказал штаб-сержант. – Младший капрал Джонсон сейчас понесет книги квартирмейстеру в Нё-ле-Мин. Поможете ему. И смею заверить, там и для вас найдется занятие. Останетесь на всю ночь и вернетесь завтра днем. Будьте готовы выдвигаться в три часа. Вам бы лучше принести сюда свой ранец после обеда и сразу выдвигаться.

– Так точно, сэр, – спокойно ответил Берн, не выдавая волнения, которое ощутил. Он не чувствовал особого воодушевления от перспективы быть в компании с младшим капралом Джонсоном, но оставался шанс неожиданно-негаданно развлечься и заполучить незапланированный кайф. Сложив вместе эти соображения и навалив сверху еще и пишущую машинку, он обдумал свое финансовое положение и решил, что оно вполне удовлетворительное. Заодно он прикинул, сможет ли, с учетом близкого дня выплаты жалования, обналичить чек через капеллана или мистера Уайта, транспортного офицера, бывшего на коротке с кассиром их полевой кассы. Нужно было глядеть вперед, возможно, стоило разжиться пятеркой у обоих. Наконец штаб-сержант сказал, что он может отправляться. Берн сложил в ранец вилку с ножом, блокнот и карандаши, чтобы после обеда иметь наготове все имущество, и взял котелок. Они с младшим капралом вышли вместе, но направились к разным кухням. Сержант Тозер уже уминал свою порцию, устроившись рядом с полевой кухней; они с поваром Эбботом поглядели на Берна, но тот лишь кивнул и проследовал мимо, туда, где младший капрал Джейкс заведовал раздачей обеда.

– Был в канцелярии, когда шарахнула блядская бомба? – поинтересовался младший капрал.

– Был. Как раз в окно глядел.

³⁵ «Старайся сохранить присутствие духа и в затруднительных обстоятельствах» (Гораций, «Оды», II, 3).

³⁶ Джон Коннингтон (1825–1869) – английский филолог-классик.

³⁷ Ассоциативная игра словами из оды Горация («наследник разольет по полу вино, которое ты так бережно хранишь»).

³⁸ Местность, где проходили локальные бои во время сражения при Сомме.

– Поубавилось форсу в этом черте, в полковом сержанте, с которым вас водой не разольешь, – злобно проворчал один из солдат. Берн искоса глянул на него, – это был Чапман, упертый парень из Ланкашира, дерьмо, об которое мараться не хотелось.

– Мне кажется, он продолжает выполнять свои обязанности, как положено, – отвечал Берн, отрываясь от еды. – И какое твое собачье дело, с кем меня водой не разольешь?

– Как бы кому чего лишнего не прилетело, если будет широко ебало раскрывать.

– Когда несешь хуйню, пизди потише, – проговорил Берн, подавшись вперед так, что его лицо оказалось в полуметре от лица Чапмана. – Если б я не знал тебя как облупленного, мог бы черт-те что подумать.

– Эй, на фиг нам тут такие базары, – внушительно и серьезно остановил их Джейкс.

– На фиг? А когда двум придуркам пиздец, да еще пятерым, не лучше?

– Хорош. Рот закрой! Добра от этого не будет. И нечего бычить, никто тебе ничего не говорил. Если не можешь не ляпать хуйни, лучше заткни ебало.

– А что думают об этом в канцелярии? – спросил Мартлоу.

– А что все думают? – откликнулся Берн. – Думают, что это бред – проводить там построения. Что можно еще думать? А вот что теперь говорят, так это то, что и бомбы-то не было. Говорят, снаряд был, даже два. С нашей же зенитной батареи. Ты был в противовоздушном патруле, Мартлоу?

– Заебали! – поспешно ответил Мартлоу. – С меня хватило позавчера. Не видно ни хера, только шею сводит; бинокль этот ни в пизду, не то что тот, что командир у меня отобрал.

– Я свистков не слышал, ваще ничего, пока бомба не грохнула, – прошамкал Чапман набитым ртом. – Ты спроси у Билла, он был в противовоздушном патруле.

– Сперва я увидел взрыв снаряда, а потом еще один, – сказал Билл Бейтс нервно. – И сразу в свисток дунул, как первый взрыв увидал. А солнце в глаза было. Ты зачем меня в это впутываешь?

– Да нет, парень, о тебе речи нет, – проговорил Джейкс. – Ты вообще был в другом конце поселка.

– Ну так зачем меня во все это впутывать? – с негодованием выпалил Бейтс.

Вид Берна, складывающего свои шмотки, отвлек всех от разговора, а когда он объяснил причину, все посмотрели на него так, будто он был одним из немногих, кто ухитрился схватить счастье за хвост.

– Думаю, мы отправляемся в одно место, – сказал Берн Шэму. – Иначе младший капрал Джонсон не шел бы с целым тюком. Нам нужно отнести много всякой всячины. Может, захватить чего-нибудь для вас с Мартлоу на обратном пути?

– Неси, чего сам придумаешь, – улыбаясь, ответил Шэм. – Мы с Мартлоу все делим пополам с тех пор, как ты в канцелярии.

– Ну, теперь все будем делить на троих, – сказал Берн.

– В смысле, когда ты вернешься в роту, – сказал Мартлоу.

Берн не проявлял любопытства к делу, которое привело их в Нё-ле-Мин. Он был очень рад бухнуть на пол в помещении снабженцев ящик, который они с младшим капралом Джонсоном тащили три мили от Филосфэ. Они несли его, ухватив с двух сторон за ручки. Ручки были из тех, что свисают, когда не под нагрузкой, и зажимают пальцы, как только ящик поднимут. Избежать зажима можно, только отставив локоть или, напрягая руку, держа ящик на отлете. Испробовав оба способа, они проделали через рукоятки носовые платки и завязали концы, чтобы держаться за тряпку. Но петли оказались разной длины, так что и нагрузка распределялась по-разному. Склад снабженцев располагался в сарае из оцинкованного железа, служившем когда-то гаражом. Квартирмейстера не было, а плотник, собиравший деревянные кресты – куча готовых валялась в углу, – считал, что тот в настоящее время находится в машинном парке. С другой стороны, он мог вернуться в любой момент, и они решили подождать и выкурить по

сигарете, наблюдая за плотником, который, собрав очередной крест, принялся красить его дешёвенькой белой краской.

– Вот девиз полка, – сказал плотник, поднимая один из крестов, на котором были тщательно выполнены эмблема и девиз. – Это на латыни, а означает: «Куда ведёт слава».

Берн взглянул на него с иронической усмешкой.

– А ты просто мастерски владеешь кистью, Хеммингс, – проговорил он, чтобы скрыть свои мысли.

– А как же. Я прям горжусь своей работой. Долго, конечно, не продержится, краска – дрянь, да и дерево слабое. Но и с такими можно поработать.

– А не сходить ли нам в машинный парк? – предложил капрал.

– Я готов, капрал, – откликнулся Берн, и они оставили Хеммингса наедине с его работой.

– Не очень-то воодушевляет сидеть тут рядом с кучей деревянных крестов, – проговорил капрал, когда они вышли на улицу.

– А что такого? – беззаботно отозвался Берн. – Вы считаете, что каменные были бы лучше?

– Как только повидаем квартирмейстера, можно будет поискать место для постоя, – переменял тему Джонсон. – Там бросим вещи и пойдем осмотреть городок. До утра я ему не понадобится.

– Надеюсь, нам удастся найти местечко, где можно выпить, – сказал Берн. – Почему нам не выдают пайковый ром каждый вечер или бутылку пива к обеду? Французы получают вино. Когда шли через Мазенгарб, видели вы магазин с бутылками «Клико» и «Перье» Жуе в витринах и надписью: «Reservee pour les officiers»?³⁹ Вот блядство! Половина из них даже не разбирает, пьют они шампанское или сидр. А мы должны довольствоваться дрянью, что подают нам в бистро.

– Я в винах ничего не смыслю, – с достоинством ответил Джонсон. – Иногда, когда дома выводил свою девчонку развлечься, мы заходили в отель – респектабельное место, понимаете ли, – и приходилось заказывать бокал портвейна с бисквитами. Портвейн и бренди хороши от колик в животе, хорошо крепят. У меня в записной книжке есть фотография моей девчонки. Вот, гляньте. Любительский снимок, конечно, не очень хороший; и солнце было ей в глаза. Как вы считаете, хорошенькая она?

³⁹ «Зарезервировано для офицеров» (фр.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.